

**СОВЕТ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

АНАЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ АППАРАТА СОВЕТА ФЕДЕРАЦИИ

КОСТРОМСКАЯ ОБЛАСТНАЯ ДУМА

АНАЛИТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

№ 1 (387)

Образование, религия и общество

(по материалам рабочего совещания «Церковь и образование: значение духовно-нравственных ценностей в современной России» и мероприятий, посвящённых А.А. Зиновьеву)

Москва
2010

Над выпуском работали:

Н.Г. Мехед, советник Председателя Совета Федерации

А.И. Бычков, председатель Костромской областной Думы;

В.Н. Макарычев, начальник информационного отдела Аналитического управления Аппарата Совета Федерации;

В.Е. Данилова, заместитель начальника информационного отдела Аналитического управления Аппарата Совета Федерации;

В.Г. Гречихин, ведущий консультант отдела государственного строительства Аналитического управления Аппарата Совета Федерации.

Издание подготовлено Аналитическим управлением Аппарата Совета Федерации
103426, Москва, Б. Дмитровка, 26, Совет Федерации
Телефон: 697-95-52

Адрес в Интернет: www.council.gov.ru

Данную версию Аналитического вестника можно получить на сервере Совета Федерации в сети
Интранет в разделе «Совет Федерации»

Подписано в печать 25.02.2010 г.

При перепечатке и цитировании материалов ссылка на настоящее издание обязательна

Настоящий выпуск аналитического вестника посвящён основным задачам и проблемам духовно-нравственного воспитания детей и молодёжи.

В октябре 2009 года в Костроме Совет Федерации провел рабочее совещание «Церковь и образование: значение духовно-нравственных ценностей в современной России», в котором приняли участие руководители законодательных органов субъектов Российской Федерации, учёные и представители Русской Православной Церкви. Одновременно с совещанием состоялись торжественные мероприятия, посвящённые творчеству уроженца костромской земли – известного русского философа, социолога, писателя и художника А.А. Зиновьева. Материалы данных мероприятий положены в основу вестника.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ 1

Материалы рабочего совещания на тему «Церковь и образование: значение духовно-нравственных ценностей в современной России»	7
Бычков А.И. , председатель Костромской областной Думы	7
Щеблыгин С.Е. , заместитель председателя Комитета Совета Федерации по образованию и науке	10
Архиепископ Костромской и Галичский Александр	12
Епископ Зарайский Меркурий , председатель синодального отдела религиозного образования и катехизации Московского Патриархата	14
Чаплин В.А. , председатель синодального отдела по взаимоотношениям Церкви и общества Московского Патриархата	17
Протоиерей Владимир (Воробьев) , ректор Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета	20
Белкина Т.Л. , доцент кафедры политологии Костромского государственного университета	23
Кадохов В.Т. , первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации по делам Федерации и региональной политике	24
Пахомов С.А. , член Совета Союза законодателей, председатель Ивановской областной Думы	25
Сударенков В.В. , член Комитета Совета Федерации по образованию и науке	26

ЧАСТЬ 2

А.А. Зиновьев – выдающийся русский философ, социолог и писатель	27
Мионов С.М. , Председатель Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации <i>Новый социализм как альтернатива для России в XXI веке</i>	28
Зиновьева О.М. , руководитель Исследовательского центра им. А.А. Зиновьева Московского гуманитарного университета, главный редактор журнала «ЗИНОВЬЕВ» <i>Александр Зиновьев – фигура ренессансная: философ, логик, социолог, писатель, художник, поэт</i>	35
Гусейнов А.А. , академик РАН, директор Института философии РАН <i>Об Александре Зиновьеве</i>	62

Зальцберг Марк , доктор физических наук <i>Памяти великого россиянина Александра Зиновьева</i>	69
Фурсов А.И. , заведующий отделом Азии и Африки ИНИОН РАН, директор Центра русских исследований Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета, кандидат исторических наук <i>Александр Зиновьев, русская история и современное общество</i>	75

ЧАСТЬ 1

Материалы рабочего совещания на тему «Церковь и образование: значение духовно-нравственных ценностей в современной России»

А.И. БЫЧКОВ, *председатель
Костромской областной Думы*

На нашей древней костромской земле в 2009 году мы в третий раз проводим совместные мероприятия с представителями Федерального Собрания Российской Федерации. В мае 2009 года мы обсуждали тему сохранения историко-культурного наследия России, которое является духовным, экономическим и социальным капиталом, одним из главных оснований для национального самоуважения и признания России мировым сообществом.

Цель нашей совместной работы – определение путей нравственного оздоровления общества. Противостояние бездуховности через обращение к многовековым христианским заповедям и традициям должно сближать сегодня государство, церковь, семью, школу и гражданское общество.

Будущее нашей страны определяют моральные ориентиры ее граждан. России нужен образованный, нравственный, ответственный за судьбу своей страны гражданин. Вопросы духовно-нравственного образования и воспитания подрастающего поколения как никогда сегодня актуальны.

В Костромской области имеется богатый опыт духовно-нравственного воспитания и образования детей и молодежи. На сегодняшний день в 154 дошкольных образовательных учреждениях Костромской области реализуются две образовательные программы по духовно-нравственному воспитанию дошкольников: «Истоки и мир» и «Прекрасное творенье». С 2005 года во всех школах Костромской области введен региональный предмет «Истоки». Преимущество данной программы – ненавязчивый характер преподавания нравственных и духовных ценностей в формировании общих представлений о православных основах отечественной культуры. Программа «Истоки» успешно реализуется также в системе начального профессионального образования в Костромской области. С сентября 2008 года введен курс «Социально-культурные истоки» в семи учреждениях начального и среднего профессионального образования костромского региона.

В образовательных учреждениях Костромской области большое внимание уделяется воспитанию подрастающего поколения в духе толерантности. В этом году именно толерантности были посвящены уроки и классные часы в День знаний 1 сентября. Таким образом, социокультурные истоки соединяют дошкольное образование, общеобразовательную школу, профессиональное образование в единый образовательный процесс с приоритетом духовно-нравственных ценностей. Кроме того, в четвертой четверти 2009/2010 учебного года в Костромской области появится новый предмет «Основы религиозной культуры и светской этики».

В основе реализации любых программ духовно-нравственного воспитания лежит взаимодействие со всеми традиционными конфессиями и, прежде всего, с Русской Православной Церковью. Примечательно, что в преамбуле Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» признается особая роль православия в истории России и в становлении развития духовности и культуры. Совместно с представителями мировых религий мы – представители всех уровней власти – должны выработать общие позиции по значимым для общества вопросам, укреплять отношения с теми, кто настаивает на приоритете духовных начал человека.

Наше сотрудничество успешно развивается, обогащается новыми формами работы. В текущем году в Костромской области прошли совместные духовно-просветительские чтения «Традиционные православные ценности в современном мире». В 7 муниципальных образованиях успешно работают духовно-просветительские центры. Особенно активно и плодотворно развивается взаимодействие системы образования и православной церкви в городе Галиче, где коллектив школы № 4 совместно с духовно-просветительским центром реализует программу «Святыни земли Галицкой».

В сфере дополнительного образования духовно-нравственное воспитание является одним из приоритетных направлений. Учреждения дополнительного образования Костромской области принимают активное участие в фестивале детского творчества «Вифлеемская звезда», в фестивале духовной музыки и колокольных звонов, посвященных памяти преподобного Пахомия Нерехтского, в областных конкурсах «Святыни земли Костромской», «Святые заступники России». Учреждения образования и Русская Православная Церковь в настоящее время направляют свои усилия на сохранение исторической преемственности поколений, воспитание бережного отношения к историческому и культурному наследию народов

России, на формирование духовно-нравственных качеств личности. Только в рамках тесного сотрудничества государства и церкви мы сможем ликвидировать пробелы в духовно-нравственном воспитании подрастающего поколения и обеспечить достойное будущее России.

В 2005 году с инициативой учреждения Дня народного единства выступили Русская Православная Церковь и Межрелигиозный совет России, объединяющий представителей традиционных для России религий. Нашим народом тема единства всегда переживалась особенно, потому что понятие единства с нашей точки зрения включает в себя проявление таких человеческих качеств, как сострадание, жертвенность, взаимовыручка, общение, гостеприимство, ценность жизни каждого человека. А в таких духовно-нравственных ценностях, как единство народа и гражданская активность заключается национальный успех России.

В вопросах образования, нравственного воспитания власть и духовенство выступают как равноправные партнеры. Хочу также отметить, что в нашей Костромской области это сотрудничество ежегодно укрепляется. У нас в регионе приняты и действуют законы, направленные на сохранение и пропаганду исторических и культурных ценностей наших предков, укрепление позиций семьи, на поддержку материнства и детства, на заботу о подрастающем поколении костромичей, на сохранение материальных памятников истории. Из действующих законов области можно выделить недавно принятый закон о памятных датах Костромской области, две из которых посвящены святыне костромской земли – иконе Федоровской Божьей Матери.

Отдельно следует назвать областной закон о наградах и почетных званиях, которым учреждены медали «Материнская слава» трех степеней и «За верность отцовскому долгу». В целях поддержки многодетных семей действует закон о мерах социальной поддержки семей на приобретение и строительство жилья при рождении третьего и последующих детей.

Постановлением Костромской областной Думы принята и действует областная целевая программа по патриотическому воспитанию молодых костромичей. Депутаты Костромской областной Думы активно проводят и поддерживают политику руководства страны по сохранению и развитию духовно-нравственных ценностей. Мы понимаем, что подлинное образование невозможно без укрепления нравственных норм жизни. Мы должны возродить духовно-нравственные традиции в образовании.

С.Е. ЩЕБЛЫГИН, *заместитель
председателя Комитета Совета
Федерации по образованию и науке*

Мне хотелось бы напомнить, что статья 14 Конституции нашей страны гласит, что Российская Федерация – это светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Религиозные объединения отделены от государства, и все равны перед законом. Эти положения основного закона страны – основа для становления взаимодействия между церковью, государством и обществом.

Но при этом мы ясно понимаем, что духовная жизнь людей не терпит вакуума. И поэтому в преамбуле Федерального закона «О свободе совести и религиозных объединениях» признается особая роль православия в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры. Подчеркивается, что традиционные религии – христианство, ислам, буддизм, иудаизм – составляют неотъемлемую часть исторического наследия народов России и играют особую роль в жизни нашей страны. Трудно переоценить значение духовно-нравственного образования для укрепления российской государственности.

Сегодня мы вынуждены констатировать, что отсутствие у школьников и студентов элементарных знаний о религиозной жизни народов России, порой не очень точные формулировки наших средств массовой информации и навязывание не самых «добросовестных» стереотипов приводят к наличию межрелигиозной напряженности, иногда молодежь становится «добычей» экстремистски настроенных деятелей. Поэтому сегодня особенно важно сделать все, чтобы духовно-нравственное воспитание было эффективным и плодотворным.

Мне хотелось бы отметить, что законодатели держат этот вопрос в поле своего зрения. И в целях укрепления взаимодействия религиозных организаций и государства в 2008 году был принят Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в части лицензирования и аккредитации учреждений профессионального и религиозного образования, духовных образовательных учреждений). Принятие данного закона способствует расширению правовых возможностей интеграции учреждений профессионального религиозного образования в систему образования Российской Федерации.

И нам очень важно, что в статье 14 этого закона зафиксировано, что образование должно обеспечить формирование духовно-нравственной личности. Таким образом, процесс образования должен включать работу по формированию нравственности и духовности в человеке.

Россия обладает уникальным опытом внешнеконфессионального диалога и сотрудничества. Достаточно сказать, что в нашей стране никогда не было религиозных войн. На протяжении многих столетий в мире и согласии живут последователи мировых религий, приверженцы множества традиционных национальных религий. История России подтверждает наш уникальный опыт интеграции различных традиций, религий и культур в сочетании с бережным отношением к самобытности наших народов.

Президент Российской Федерации Дмитрий Анатольевич Медведев поддержал идею преподавания в школах основ религиозной культуры и светской этики. Он отметил, что добровольность и выборность – два главных принципа. В школе с учетом ее возможностей и потребностей населения должны быть созданы условия для выбора семьей того курса, который они предпочитают, потому что он многовариантен. Это может быть изучение истории и основ конкретной религии, основ культуры основных религий мира. Преподавать эти дисциплины станут светские учителя, при этом конституционный принцип обособления церкви от государства будет соблюден.

Президент также подчеркнул, что принял данное решение после того, как на его имя поступили обращения от лидеров ведущих российских конфессий. Эти предметы должны преподаваться в общеобразовательных государственных школах с соблюдением установленных государственных стандартов, при условии учета особенностей всех существующих в мире религий и формирования толерантности мировоззрения учащихся. К преподаванию вышеуказанных предметов нужно подходить руководствуясь принципами свободы совести и вероисповедания, защиты и развития государственной системы образования национальных культур, региональных традиций и особенностей в условиях многонационального государства, а также свободы и плюрализма в образовании.

В настоящее время в Минобрнауки идет проработка этих вопросов. Предполагается разделить предмет на три модуля. В первый войдет история и основы культуры одной из традиционных религий. Второй предназначен для тех школьников, которые хотят изучать историю сразу всех основных мировых

конфессий. Третий рассчитан на учеников, не придерживающихся никаких религиозных убеждений - это будет курс основы этики. Таким образом, каждый класс будет разбит на группы, а школьники и их родители самостоятельно решат, какой из модулей изучать. При этом по каждой теме будут написаны отдельные учебники, и их подготовка уже начинается.

Введение дисциплины будет проходить постепенно. Во всех школах страны она появится примерно к 2012 году. В ближайшие три года предстоит обкатка предмета в школах 18 регионов, представляющих все федеральные округа. Эксперимент затронет 12 тысяч школ, или каждую пятую в стране, в которых учится в общей сложности 250 тысяч школьников.

Предполагается, что основные финансовые ресурсы будут направлены на переподготовку учителей, для которых проведут внеочередной курс повышения квалификации. Планируется, что преподавать новый предмет начнут педагоги гуманитарных предметов, но вполне вероятно, что подключатся и учителя естественных наук.

Общество способно ставить масштабные национальные задачи лишь в том случае, когда у него есть общая система нравственных ориентиров, сохраняется уважение к родному языку, к самобытной культуре и к культурным ценностям, к памяти своих предков, к отечественной истории.

Архиепископ Костромской и Галичский
АЛЕКСАНДР

Вот уже в течение восьми столетий благословенный древний Костромской край осеняется присутствием чудотворной Федоровской иконы Божьей Матери. Многие из участников сегодняшнего совещания посетили наш кафедральный собор, смогли поклониться этой древней святыне, лику Пресвятой Богородицы, которая является венчальной иконой защитника и поборника нашего отечества, защитника веры православной, благоверного и великого князя Александра Невского.

Перед этой иконой в 1613 году совершилось удивительное событие – прекращение великой смуты в нашем отечестве. Юный Михаил Федорович Романов принес обеты верности и служения Государству российскому, родной земле русской и народу, который живет на этой земле. С тех пор Федоровская икона стала покровительницей детей, семьи и молодежи.

Социально-экономические и политические преобразования в девяностых годах прошлого столетия сопровождались существенными

изменениями в системе нравственных ценностей нашего общества. В настоящее время имеются определенные позитивные тенденции в социально-экономическом развитии. Однако российское общество, включая молодое поколение, продолжает находиться в состоянии системного духовно-нравственного кризиса. И те, кто заботится о нашем государстве, заботится об устройении общественной жизни, – свидетели этого тяжелого духовно-нравственного состояния.

Духовный кризис оказывает существенное влияние на многие аспекты социальной жизни, обуславливая крайне низкое правосознание населения, создавая питательную среду для нравственной распущенности, для греха. Дальнейшее снижение общественной нравственности ведет к снижению эффективности действия законодательства не только в силу правового нигилизма, но и фактического морально-психического отчуждения граждан от государства.

Становление и развитие российского гражданского общества и правового государства предполагает опору на определенные нравственные принципы, ценности и нормы, которые воспринимаются большинством населения как ориентиры и критерии нравственного и социально приемлемого поведения. В этой связи нравственность и право образуют два важнейших фактора современного гражданского общества.

В российской Конституции, федеральных законах и других нормативных актах закреплён комплекс правовых принципов и правовых норм, направленных на защиту и охрану нравственного здоровья населения России. Так, в статье 55 Конституции России нравственность провозглашается защищаемой ценностью. На этом фоне воспитание подрастающего поколения в духе уважения к закону и к нравственным ценностям приобретает особое значение. Огромная нагрузка при этом ложится на образовательные учреждения.

Президент России Дмитрий Анатольевич Медведев отметил: «Не споря с самим тезисом о том, что у нас было хорошее образование, я считаю, что наша задача – создать современное образование, достойное России в двадцать первом веке». Каким должно быть достойное образование? На наш взгляд, прежде всего, оно должно соответствовать задаче нравственного воспитания. Это, конечно же, не обозначает, что необходимо заменить часы по физике, литературе или геометрии на уроки светской этики или основ

духовной культуры. Здесь недопустимы перегибы. Необходим мудрый, взвешенный подход.

«Работа с молодежью, – говорит Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, – одно из приоритетных направлений церковной миссии в современном мире. Каждый член Церкви от мирянина до Патриарха призван проявлять заботу о нравственном здоровье подрастающего поколения, о воспитании детей и молодежи в верности исконным традициям нашего народа».

*Епископ Зарайский **МЕРКУРИЙ**,
председатель синодального отдела
религиозного образования и
катехизации Московского Патриархата*

Прежде всего, мне хотелось бы познакомить вас с деятельностью и задачами отдела религиозного образования и катехизации Русской Православной Церкви, если говорить простым языком, то Министерством образования Русской православной церкви.

Отдел религиозного образования и катехизации был образован 13 августа 1991 года решением Священного синода и Патриарха Московского и всея Руси. Основными целями его деятельности являются попечение о религиозном образовании и духовно-нравственном просвещении общества в соответствии с учением и традициями Русской православной церкви, объединение и координация усилий церкви, общества и государства в области духовно-нравственного воспитания, христианского просвещения, создание и укрепление в нашей стране и на канонической территории Русской православной церкви единого православного образовательного пространства.

Конечно, задачи, которые стояли и сейчас стоят перед отделом религиозного образования и катехизации, со временем менялись. Сначала это было попечение о воскресных школах, которые создавались при вновь открываемых храмах, затем это – молодежные христианские просветительские общества, затем попечение проявлялось в дошкольных, школьных и вузовских учебных заведениях, имеющих государственную аккредитацию, в базисном основании которых существовал православный фактор. В настоящее время это, конечно, и взаимодействие со всеми заинтересованными структурами в вопросах проведения эксперимента.

В настоящее время стоит задача создания целостной системы православного образования. Поэтому по благословению Святейшего

Патриарха Московского и всея Руси Кирилла с 2009 года осуществляется глобальная реструктуризация отдела религиозного образования и катехизации, который обязан еще и осуществлять координацию и методическое руководство деятельностью всех российских православных высших, средних и дошкольных учебных заведений, а также кафедр богословия государственных вузов Москвы и регионов Российской Федерации, православных учебных заведений и епархии Русской православной церкви.

Наиболее важными направлениями работы являются активизация научной и организационной деятельности в сфере образования, взаимодействие с научным сообществом, государством, другими конфессиями, общественностью, средствами массовой информации и обеспечение интеграции церковной системы образования в российскую систему образования в целом.

Эти направления работы отдела нуждаются во всесторонней законодательной и финансовой государственной поддержке, а также участия самого широкого круга православных граждан России, специалистов в области образования. Ставить решение такой наиважнейшей церковно-государственной задачи, как духовно-нравственное воспитание, в зависимость от личного расположения представителей власти или благотворительной помощи меценатов, по меньшей мере, недальновидно.

Одной из первостепенных задач синодального отдела является создание системы (хочу подчеркнуть это) непрерывного православного образования в течение всей жизни человека, что предполагает развитие сети православных детских садов, средних школ и высших учебных заведений, обеспечение их поддержки со стороны государства и научно-педагогического сообщества.

Любая религия призвана воспитывать нравственную личность, способную в любой момент своей жизни дать достойный ответ перед своим Отечеством и лицом Божиим. Поэтому цель современного религиозного образования в светской школе не сводится лишь к тому, чтобы восполнить пробелы в знаниях по основам православного вероучения или православной культуры, но состоит в том, чтобы раскрыть суть православной традиции, передать ее внутренний смысл, обращенный к уму и, прежде всего, к сердцу человека.

В этой связи мы планируем развивать православное воспитание и распространение практики организации занятий по изучению православной культуры, духовных бесед как в государственных, так и в частных дошкольных учебных заведениях; обеспечить преподавание православной культуры в государственной и муниципальной школе по выбору семьи ребенка по всем годам обучения в школе как учебного предмета в школьной программе в основной части учебного плана; развивать систему высшего профессионального православного образования.

Сегодня духовно-нравственный кризис затронул все российское общество и осознается одной из угроз национальной безопасности. И государство, и церковь заинтересованы в том, чтобы дети воспитывались порядочными, нравственными и ответственными людьми, уважали культурные особенности российских народов и их религий. Достижение такого результата возможно только при условии сотрудничества государства и церкви в сфере образования и обращения к традиционным духовным ценностям.

Одной из форм духовно-просветительского воспитания является создание отдельных государственных или муниципальных школ с углубленным изучением одной конкретной религии, религиозной традиции. В настоящее время Министерство образования и науки эффективно взаимодействует с Советом муфтиев России по вопросам реализации государственной программы развития исламского образования в российской светской школе. Православное образование только начинает получать эту государственную поддержку. Необходимо дальнейшее планомерное взаимодействие Русской православной церкви и государства в этой области.

Особое направление деятельности синодального отдела религиозного образования катехизации – это реализация проекта по введению изучения традиционных для России религиозных культур и этики в школах в период 2009–2012 годов.

По мнению многих специалистов в области возрастной психологии и педагогики, время для проведения эксперимента выбрано не самое удачное. Но такая модель апробации постепенного введения преподавания всех этих курсов в школе предложена Министерством образования и науки.

На встрече Президента с религиозными лидерами не шла речь о конкретных сроках и формате проекта, было сказано только то, что осуществление проекта должно проходить в несколько этапов. Первый этап

охватывает группу регионов, на втором этапе распространяется на всю территорию России. Поэтому все стороны этого процесса должны быть хорошо обдуманы и взвешены.

Помимо вопросов о времени изучения религиозной культуры стоит вопрос и о совместной подготовке учителей при непосредственном участии представителей традиционных религий, о содержании учебных дисциплин, собственно того, что будут изучать дети в рамках проекта.

Подчеркну, что изучение православной культуры, других предметов духовно-нравственного образования не может быть ограничено только одним полугодием в четвертом классе и одним полугодием в пятом классе. Только полноценное изучение таких курсов по всем годам обучения сможет создать благоприятные условия для духовно-нравственного развития, становления человека в современном мире.

Придется приложить все силы, чтобы несмотря на сжатые сроки и сложный возрастной период, были получены положительные результаты этого эксперимента.

Мы уверены, что введение такой предметной области, как духовно-нравственное воспитание благотворно повлияет на развитие личности учащегося, поможет соприкоснуться с реальностью существования Бога и вечной жизни, правильно понять смысл своего существования на земле, даст возможность формирования подлинно свободной и ответственной личности, положит предел эгоцентризму.

В. А. ЧАПЛИН, *председатель
синодального отдела по
взаимоотношениям Церкви и общества
Московского Патриархата*

Воспитание необходимо для того, чтобы общество сохранилось, чтобы оно выжило, чтобы развивалось. Сегодня это, по-моему, очевидно всем.

Уходят в прошлое времена, когда некоторые педагоги-новаторы, некоторые общественные деятели пытались убедить нас в том, что воспитательная функция в школе не нужна, что школа должна только обучать полезным знаниям, передавать полезную информацию, а воспитание – это что-то отжившее и теряющее сегодня смысл.

Сегодня очевидно, что образование без воспитания порождает чудовищных моральных уродов. Мы видим, как сегодня развивается наркомания, алкоголизм, цинизм, безнравственность в отношениях полов, в

отношениях наций, в отношениях субъектов экономической деятельности. И то, что сейчас молодежь начинает постепенно возвращаться к идее нравственности, в значительной степени заслуга тех педагогов, общественных деятелей, представителей церкви и других религиозных общин, которые говорят о необходимости воспитания.

Наркотическая опасность угрожает будущему России, она усиливается. Мы знаем и о других опасностях такого же рода, и бороться с ними только экономическими или полицейскими методами невозможно.

Нужно давать человеку смысл жизни, открывать ему правду, которая заключается в том, что безнравственный образ жизни делает человека несчастным, что все разговоры о развеселой, радостной жизни наркоманов, алкоголиков, проституток, бандитов, убийц – на самом деле порок разрушительный, он убивает человека, делает его больным, опустошенным, и об этом сегодня должны говорить и школа, и культура, и средства массовой информации.

Сегодня много спорят о том, можно ли через влияние или через давление на личность сделать человека нравственным. Через давление нельзя, через силу - нельзя. Привитие убеждения или веры силой всегда дает обратный эффект. Но воспитание как активное воздействие на личность – это естественная вещь и без нее не бывает нравственного общества, живущего достойно. Вот это сегодня можно очень явно осознать.

Человек сам по себе хорошим не станет. Идея французских просветителей о том, что человек сам по себе хорош, и если ему не мешать, он сам себя воспитает – это неправильная идея, и мы должны сегодня в этом прямо признаться, даже несмотря на то, что на этой идее основана в значительной степени современная философия права и современная философия политики. Эта идея не работает. Поэтому воспитание должно присутствовать как организованное целенаправленное воздействие общества на формирующуюся личность ради блага самой этой личности и ради блага общества.

Будем надеяться, что в ходе эксперимента и дальнейшей работы государства по созданию системы нравственного воспитания в школах будет учтен опыт многих регионов, в том числе Костромской области, в которой преподаются предметы духовно-нравственного воспитания, основы православной культуры, духовная культура края. В некоторых школах - это основы исламской культуры, в еврейских школах – основы иудаизма. У нас

уже есть многолетний опыт, распространенный в целом ряде регионов, преподавания такого рода предметов. Они не привели к конфликтам, не породили межрелигиозного или межнационального напряжения, но в то же самое время они реально воздействуют на общество. В Костроме в два раза сократилось количество аборт, и это произошло, я думаю, не в последнюю очередь потому, что в школах преподаются предметы духовно-нравственного содержания.

Мне думается, что при формировании рождающейся новой системы преподавания знаний о религии и нравственности в школе, при проведении эксперимента необходимо максимально услышать волю родителей и самих учащихся. Думается, что нужно предложить и родителям, и учащимся сделать осознанный выбор и не насиловать их волю какими-то искусственными умопостроениями, которые сейчас периодически озвучиваются в средствах массовой информации, когда говорится о том, что вместо познания собственной традиции нужно выбирать общий курс изучения всех религий, когда говорится о том, что родителям и детям нужно предлагать не то, что они хотят, а то, что хотят «педагоги-новаторы». Мне думается, что на всех этапах возникновения новой системы присутствия в школе знаний о религии и нравственности, нужно, прежде всего, советоваться с народом, иметь возможность выявить волю людей, прислушаться к этой воле и добиться того, чтобы она влияла на механизм принятия решений.

И в области образования, и в целом в ряде других областей взаимодействия религиозных объединений и государства сегодня рождается практика заключения договоров, соглашений и других подобного рода документов. Известно, что в целом ряде регионов подписаны соглашения между управлениями образования и епархиями Русской Православной Церкви. Очевидно, где-то есть подобные соглашения и между исламской общиной и региональными управлениями образования. Эту практику, как мне кажется, нужно расширять.

Может быть, на базе Совета законодателей стоит провести работу по исследованию практики заключения соглашений между религиозными объединениями и государством. И это обобщение практики помогло бы сделать какие-то предложения для федерального уровня власти. Может быть, это будут проекты законов или проекты всеобъемлющих соглашений между церковью и государством, между государством и другими религиозными объединениями.

В некоторых странах рождается целая система соглашений между церковью и государством. В частности, Белоруссия, где (как отмечал Святейший Патриарх во время посещения Белоруссии) создана стройная система отношений между церковью и государством, подписан общий договор, на основе которого появилось 12 соглашений между государством и отдельными ведомствами. Нечто подобное рождается в Грузии и Армении. Подобного рода система успешно действует в Латвии.

Так что сама логика политического процесса и истории подталкивает страны постсоветского пространства к тому, чтобы отношения между государством и ведущими религиозными объединениями строились бы на основе взаимных обязательств и системного взаимодействия.

Мне думается, что регионы России, которые имеют хорошую практику в этой области, могли бы многое подсказать федеральным властям и многое предложить для того, чтобы совершенствовались отношения между государством и религиозными объединениями на благо людей, на благо наших будущих поколений.

*Протоиерей **ВЛАДИМИР (ВОРОБЬЕВ)**,
ректор Православного Свято-
Тихоновского гуманитарного
университета*

Здесь говорилось много о необходимости духовно-нравственного воспитания и образования, о проблеме введения предмета по основам религиозной культуры или этики в школах. Но все эти очень важные задачи весьма трудно перевести в практическую плоскость, потому что после длительного периода советского атеизма в нашей стране фактически нет преподавателей, которые могли бы по-настоящему вести эти предметы и могли бы предложить правильные методики, чтобы эксперимент, который мы начинаем, не окончился поражением.

С этой целью мы должны подумать о подготовке кадров высшей квалификации. В России в 1992 году был введен образовательный стандарт по специальности «теология». Сначала, пользуясь этим стандартом, было открыто несколько подразделений, несколько вузов, которые пытались что-то сделать в этом направлении, но, как это ни парадоксально, сам стандарт был агностическим или даже атеистическим. Просто потому, что написать стандарт адекватный, видимо, никто не сумел. Инициатива введения теологии принадлежала государству, а не церкви.

И вот в 2001 году после долгих лет дискуссий, обсуждений, споров, был утвержден государством новый конфессиональный стандарт по теологии. Этот конфессиональный стандарт написан с точки зрения религиозного мировоззрения и с точки зрения той организации, которая будет осуществлять преподавание.

Поскольку у нас страна многонациональная и многоконфессиональная, встал вопрос о том, как можно в одном стандарте соединить все религии. И было предложено сделать стандарт поликонфессиональным. Этот стандарт имеет одну общую базу для всех религий, затем разветвляется так, что каждая религия может выбрать свою ветвь, и не только выбрать, но и сформировать ее. Был разработан шаблон, который удовлетворил все традиционные религии. После этого начался заметный рост в открытии теологических образовательных подразделений. В основном это теологические кафедры, встречаются и теологические факультеты или отделения. На сегодняшний день мы имеем 42 вуза, где программа подготовки теологов лицензирована, из них 28 – государственные университеты, то есть больше половины. Около 40 этих вузов реализуют православный стандарт по теологии, 6 вузов реализуют исламский стандарт. Один университет сначала заявил, что будет реализовывать иудейский стандарт, а потом это делать не стал. Буддисты не вошли в этот эксперимент, пока буддистского стандарта не разработали.

На сегодняшний день по направлению и специальности «теология» обучается более 3 тысяч 600 студентов. Имеется достаточно большое количество выпускников. Но, конечно, это количество исчисляется тысячами, но в масштабе нашей страны это очень мало. Нужно сказать, что желание открыть теологические кафедры есть во многих университетах и вузах. Препятствует этому целый ряд совершенно определенных трудностей.

Во-первых, недостаток помощи со стороны государства, нехватка учебных территорий, во многих случаях не выделяется финансирование. Не хватает достаточного сотрудничества государства с церковью, поскольку только государство реализовать эти программы не может. Во всем мире такие программы реализуются в сотрудничестве с религией. Конечно, очень большую роль играет занятость будущих выпускников.

Вы знаете, есть специальный перечень направлений, где выпускники той или иной специальности востребованы. В этот перечень теологи не входят, потому что официально указать, где нужны они, мы на сегодняшний

день не можем. Если студент оканчивает вуз по какой-то специальности, у него, естественно, есть желание двигаться дальше. Он хочет заниматься наукой, получить ученую степень и так далее. Для того чтобы это было возможно, необходимо ввести теологию не только в перечень образовательных специальностей, но и в перечень научных специальностей.

На сегодняшний день такая возможность отсутствует. Это, конечно, ничем нельзя объяснить. Во всем мире существуют теологические факультеты в течение многих столетий. Во всем мире существуют доктора теологии, и в цивилизованном мире никто не сомневается в том, что теология является наукой.

У нас после длительного периода атеизма такое сознание еще не пришло, и у нас даже среди научной общественности можно услышать сомнения на эту тему. Например, письмо десяти академиков, которые высказывали идею, что теология не является наукой, что, конечно, показывает, что они просто совершенно не знакомы с предметом и не знают, что такое теология.

Вот такие сегодня практические трудности на пути воплощения всех наших начинаний. Надо сказать, что везде, где удалось реализовать проект теологической кафедры по-настоящему, при содействии гражданской власти, администрации вуза и церкви, результаты просто вдохновляющие.

У нас здесь присутствует Ивонин Лука, который является заведующим кафедры теологии в Рязанском педагогическом университете. Я могу свидетельствовать, что эта кафедра изменила лицо университета. Аналогичная ситуация в Туле, где тоже теология является лучшей кафедрой университета. На нее всегда огромный конкурс. Она дает блестящих выпускников, прекрасное гуманитарное образование. Также обстоят дела и во многих других местах.

Для того чтобы можно было практически решить поставленные задачи, необходимо тесное сотрудничество государства и церкви. Только это сотрудничество поможет нам решить вопрос о духовно-нравственном воспитании нашей молодежи.

Т.Л. БЕЛКИНА, *доцент кафедры политологии Костромского государственного университета*

Усиление внимания к духовно-нравственному воспитанию – это очень нужная инициатива, поскольку кризис нравственности у нас налицо. И здесь,

естественно, необходимы усилия всего общества – и верующих, и неверующих людей.

Но когда говорят о духовно-нравственном воспитании, мы, представители светской науки, считаем, что здесь делается несколько неверный акцент. Ведь духовность не обозначает только религиозность. Духовность – это более широкое понятие. И оно включает в себя огромный пласт светской культуры, который намного больше, нежели пласт религиозной культуры. Литература, живопись, музыка и так далее – это все сферы духовной культуры. Да и наука, кстати, тоже.

Поэтому, когда мы говорим о духовно-нравственном воспитании детей, нужно не забывать и о светской составляющей этого воспитания.

Наша страна – многонациональная, многоконфессиональная. У нас же все сводится в основном к православному воспитанию. Это неправильно. Вместе с тем я, например, полностью согласна, что сейчас в обществе мы наблюдаем огромный дефицит знаний о религии. Все это приводит к тому, что люди близких каких-то конфессий настороженно друг к другу относятся. Наоборот, люди с экстремистскими взглядами пользуются иногда большой популярностью среди людей.

Поэтому я считаю, что религиозное образование очень нужно. Но какое образование? На мой взгляд, нам нужно не теологию развивать, а религиоведение, причем в данный момент я согласна с тем, что у нас мало преподавателей.

Я преподаю историю религии в университете. Одна из моих студенток, когда она готовила реферат на тему «Ислам», она была удивлена тому, что ислам – это братская религия по отношению к иудаизму и христианству, что история и сущность христианства нельзя понять в отрыве от двух «старших братьев».

«Знакомясь с исламом, я изучала различную литературу, авторы которой являлись как учеными историками и философами, так и последователями разных направлений ислама. Мне было очень интересно следить за ходом их рассуждений». И она пишет о том, что она стала иначе относиться и к мусульманам, и к исламу.

И этот пример показывает, что нам нужна толерантность. А толерантность можно воспитать только таким образом, когда мы дадим правильные знания обо всех религиях, и тогда люди начнут с уважением друг к другу относиться.

И, наконец, по поводу того, что такое теология. Здесь был задан вопрос: «Почему теологию не признают наукой?» Большой энциклопедический словарь 1997 года издания дает такое определение теологии: «Теология, или богословие – это совокупность религиозных доктрин и учений о сущности и действиях Бога. Предполагает концепцию абсолютного Бога, сообщающего человеку знания о себе в откровении. В строгом смысле о теологии принято говорить применительно к иудаизму, христианству, исламу. Одной теологии для разных конфессий нет. Кроме того, богословие опирается на божественные откровения, на веру, прежде всего, в догмы и каноны, которые не подлежат рациональному осмыслению и тем более критическому анализу».

То есть теология рассчитана на верующих людей и должна преподаваться в духовных учебных заведениях. Что же касается подготовки для школ, то я еще раз настаиваю на том, что желательно было бы готовить преподавателей истории религии. И в этом плане могли бы объединить усилия и представители православия, представители старообрядчества, и ислама, и иудаизма, и протестантских конфессий, которые у нас существуют.

В.Т. КАДОХОВ, первый заместитель
председателя Комитета Совета
Федерации по делам Федерации и
региональной политике

Уже говорилось о том, что у нас в стране создана необходимая правовая база по развитию языков и культуры, определены цивилизационные рамки взаимодействия государства и традиционных религий. Продолжается работа по совершенствованию нормативной базы в этой области. Это привело к тому, что за последнее время в стране не было ни одного прецедента, имеющего этнический или межконфессиональный характер. Разумеется, это огромная работа органов государственной власти, духовенства, общественности

Но эта позитивная динамика общественного согласия и стабильности – это, к сожалению, хрупкое состояние. Во-первых, потому что процесс духовно-нравственного кризиса стал системным, и между религией и образованием пока неопределенность. Во-вторых, что самое главное, много желающих за рубежом разжечь на Руси межэтнический, межконфессиональный конфликт, что видно на примере Северного Кавказа недавних лет. Это напрямую

связано с сохранением территориальной целостности России как государства и имеет в этом смысле цивилизационный характер.

Поэтому мы в Совете Федерации готовим всероссийский форум под лозунгом: «Доброе братство – лучшее богатство». Предполагается пригласить на него Президента России, главу Правительства и глав субъектов. Мы считаем целесообразным участие в нем и церкви (по ее усмотрению), чтобы придать этому мероприятию более соборный характер. В проекте рекомендаций считаю необходимым поставить «образование» перед «церковью».

С.А. ПАХОМОВ, член Совета Союза законодателей, председатель Ивановской областной Думы

Я хотел бы сказать несколько слов о нашем регионе – Ивановской области. К нашему большому сожалению, Ивановская область не является благополучным регионом с точки зрения подростковой преступности, детской преступности, есть у нас есть проблемы с алкоголизацией молодежи, с ростом распространения наркотиков. Так вот мы сегодня, учитывая эти факты, вынуждены более глобально, по-иному, чем раньше, подойти к работе с детьми и молодежью, рассматриваем все аспекты влияния на вышеупомянутые проблемы.

В том числе, конечно же, особое внимание уделяем и развитию духовно-нравственного воспитания. У нас в ряде общеобразовательных школ и города Иванова, и области в целом уже существует многолетний опыт. Отдельные школы 1996 года имеют опыт преподавания в школах основ именно православной культуры. Сложились достаточно тесные, устойчивые связи Иваново-Вознесенской-Кинешемской епархии со светскими школами. Где-то в отдельных школах этот курс охватывает все классы с первого по одиннадцатый.

Мы в апреле 2007 года провели межвузовскую научно-практическую конференцию на тему «Роль учителя в духовно-нравственном воспитании учащихся». По результатам конференции было принято решение и с 1 сентября 2007 года в общеобразовательных учреждениях на факультативной основе введено преподавание предмета «История религиозной культуры». В настоящее время этот курс преподается более чем в 250 образовательных учреждениях области. Это достаточно большое для нас количество школ, примерно около половины.

Сегодня, обращая свой взгляд на прошедшие два года, можно совершенно четко сказать, что решение было принято правильное. За прошедшие два года мы не получили ни одного негативного отзыва на наше решение.

В.В. СУДАРЕНКОВ, член Комитета
Совета Федерации по образованию и
науке

Главный смысл, как мне кажется, в том числе сегодня, куда пойдет религиозное образовательное движение? Пример разброса мнений очень большой. Я же взял пять оценок этого пользователями Интернета.

Первая оценка: «Считаю более эффективным ввести в школах предмет изучения глобальных заблуждений и ошибок человечества». Это оценка со знаком минус. Вторая оценка – «Интересующиеся сами найдут познания в религиях, а в школах преподавать не нужно». Тоже близкая к минусу оценка. Другая – «Где-то на стороне наши дети могут отравиться всякими псевдоконфессиями». Это противоположная позиция. «Если говорить о религии в школе и армии, то это не прогрессивный подход, но неизбежный». Нейтральное мнение, человек благодарит своего преподавателя за то, что та независимо освещала все религии.

Вот такое общество. Нет однозначно подхода к трактовке предмета. Нам же следует не допустить раскола в ученой среде, в преподавательской среде, в среде школьников.

ЧАСТЬ 2

А.А. Зиновьев – выдающийся русский философ, социолог и писатель

В октябре 2009 года в Костроме прошли мероприятия, посвященные выдающемуся русскому философу, социологу, писателю А.А. Зиновьеву – уроженцу костромского края.

В сквере Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова состоялась торжественная церемония открытия памятника А.А. Зиновьеву. На открытии памятника выступили губернатор Костромской области И.Н. Слюняев, вдова ученого О.М. Зиновьева, ректор МГУ им. М.В. Ломоносова, академик РАН В.А. Садовничий, академик РАН Г.В. Осипов, ректор Костромского госуниверситета профессор Н.М. Рассадин, автор памятника народный художник России А.Н. Ковальчук.

Выступавшие отметили, что это – памятник великому гражданину, оставившему замечательный след в культуре, науке, образовании на русской земле. Появление памятника – не только итог большой душевной работы, но и начало глубокого усвоения студентами наследия А.А. Зиновьева. Знаменательно, что это первый памятник философу-социологу не только в России, но и в мире.

Губернатор Костромской области И.Н. Слюняев сообщил, что для увековечения имени верного сына земли костромской планируется создать в исторической части Костромы музей с библиотекой и личными вещами А.А. Зиновьева.

В этот же день в стенах Костромского государственного университета был открыт мемориальный научно-методический кабинет имени А.А. Зиновьева и проведены «Зиновьевские чтения». В своем выступлении декан исторического факультета Костромского государственного университета профессор А.М. Белов отметил, что открытие кабинета основателя московского методологического кружка дает новые возможности в изучении произведений А.А. Зиновьева.

Новый социализм как альтернатива для России в XXI веке

С.М. МИРОНОВ, *Председатель
Совета Федерации Федерального
Собрания Российской Федерации*

В последнее время заметно растёт интерес к жизни и творчеству выдающегося русского мыслителя – Александра Александровича Зиновьева. Чем больше проходит времени, тем значительней видится масштаб его личности: философ, выдающийся логик, социолог, писатель со своим узнаваемым, «фирменным» стилем. Этот человек – интеллектуальное и культурное явление, подлинный масштаб которого ещё полностью не оценён. Обращённость к будущему, противостояние рутине, движение против течения – всё это было свойственно Александру Зиновьеву.

В книгах Зиновьева мы видим своеобразный портрет России на переломном этапе. Он анализирует новую социальную организацию нашей страны, место и перспективы России в процессе глобализации, вскрывает причины распада Советского Союза.

Отмечу особо: Александр Александрович называл себя критиком коммунизма, а не его противником. Социалистическое и коммунистическое общественное устройство он считал «воплощением в жизнь многовековых чаяний страдающего человечества». По его словам, «этот строй является началом нового цикла истории. Вся последующая эволюция общества будет происходить на его основе»¹.

Полагаю, что аналогичные подходы применимы и к пониманию современных процессов.

Мировой кризис и сценарии развития: куда двигаться дальше?

Сегодня в рамках борьбы с финансово-экономическим кризисом всё меньше тех, кто продолжает уповать на силу инерции старой системы и временные меры. Пока что у большинства правительств стран мира стремление сбить остроту кризиса и успокоить население превалирует над задачами стратегического анализа и принятия долгосрочных решений. Однако есть и понимание того, что причины, приведшие мир к кризису, сохраняются.

Спектр таких оценок достаточно широк. Так, президент Франции Николя Саркози наиболее настойчиво из политиков предлагает преодолеть

¹ А. Зиновьев. Русская судьба, исповедь отщепенца.

«фундаменталистский либерализм». А финансовый гуру Джордж Сорос сравнивает нынешний кризис с коллапсом советской системы, говоря, что после начала кризиса финансовую систему «подключили к искусственным аппаратам поддержания жизни, на которых она держится и сейчас»².

Одновременно в мире растёт понимание того, что большинство известных капиталистических моделей развития себя исчерпали. В глубоком пересмотре явно нуждается вся система социально-экономических и общественных ценностей. И наиболее дальновидные учёные, политики и бизнесмены ведут активный поиск новых ориентиров развития, ценностей и смыслов, новых форм социального действия. По выражению американского социолога Иммануила Валлерстайна, «вопрос уже не в том, каким образом капиталистическая система сможет исцелить свои раны и возобновить наступление. Вопрос в том, что придёт на смену этой системе, какой порядок вырастет из окружающего нас хаоса»³.

Какие же альтернативы будущего мира просматриваются сегодня?

Во-первых, постепенное, шаг за шагом, ремонтирование старой неолиберальной системы и её новое проседание, скатывание в ещё более глубокий кризис.

Во-вторых, серьёзные опасения вызывает искушение преодолеть кризис за счёт создания новых очагов нестабильности, обострения борьбы за ресурсы. Кризис уже действует в этом направлении, заставляя государства защищать свои внутренние рынки. Развитие кризиса и конфликты будут вести к всё большему обособлению национальных государств и появлению неустойчивых региональных коалиций.

Третьим сценарием является движение к новому миру. В его основе может лежать только иное – не индивидуалистическое, не узко групповое – основание для развития. Это может быть движение стран и организаций с разными скоростями. Можно называть его движением нового социализма, а можно – движением социальной справедливости.

Будущее России: технологическое перевооружение или модернизация всего общества?

Хотел бы остановиться подробнее на одном из вариантов будущего, который мне кажется наиболее приемлемым. По моему глубокому

² Из выступления 20 февраля 2009 г. на ежегодной конференции Центра капитализма и общества при Колумбийском университете США.

³ Выступление на конференции «Возвращение политэкономии: к анализу возможных параметров мира после кризиса». Москва, 11-12 сентября 2009 г.

убеждению, социализм – это весьма разумный сценарий развития мира и преодоления глобального кризиса.

Будущее России, безусловно, связано с развитием. И полагаю, что оно невозможно без усиления социальной справедливости.

Президент страны Дмитрий Анатольевич Медведев в статье «Россия, вперед!» и в Послании Федеральному Собранию изложил своё видение стратегических целей преобразования нашего общества. По его словам, «России в XXI веке вновь необходима всесторонняя модернизация». Мы должны стать «обществом умных, свободных и ответственных людей».

Призыв Президента к открытому диалогу о модернизации показывает, что это серьёзная задача, которая не может быть достигнута без коллективных усилий народа.

Наша страна имеет опыт нескольких успешных модернизаций и ряда трагических по результатам провалов попыток таких модернизаций.

Даже беглый исторический анализ показывает, что модернизации XX века были успешными только тогда, когда люди верили в планы и задачи, стоявшие перед страной. Иначе модернизацию провести будет очень трудно, успех будет половинчатым, а все её риски многократно возрастут. Один из наглядных примеров этого – немалое количество зарубежной техники, которую не могут установить и использовать.

Считаю, что проработка социально-справедливого, или, если угодно, социалистического варианта модернизации – это серьёзная задача, которая стоит перед лучшими умами нашей страны. Нужно соединить самомобилизацию человека на развитие, социальное обеспечение этого развития и техническое перевооружение. Причём такая программа модернизации должна быть приемлема для самых широких слоёв общества. Важно, чтобы она давала в качестве результата, наряду с технологической модернизацией, осязаемый рост солидарности и сплочённости в обществе.

Одной из стратегических задач здесь становится проектирование новаторских социальных технологий, отношений, структур коллективного действия. Серьёзные преобразования государства и общества невозможны без добровольного вовлечения значительного числа людей в модернизационные процессы, без складывания активного социального слоя, заинтересованного в развитии и объединённого общей позитивной целью.

Социализм как путь развития цивилизации

Идея создания лучшего, более совершенного общества с коллективистскими принципами занимала лучшие умы человечества с древнейших времен. Она восходит к учениям Платона, китайского мыслителя Мо-цзы, англичанина Томаса Мора.

На протяжении тысячелетий эта идея принимала самые различные формы – философскую, религиозную, художественную, практическую. И во многих моделях идеального общества можно найти черты, которые сегодня мы назвали бы социалистическими. Были проекты, которые носили утопический характер и кажутся совершенно варварскими с нашей точки зрения. Но есть в них немало и такого, что созвучно ценностям сегодняшнего дня. Многие из них завоёвывали сердца людей своей эпохи, поскольку предлагали представление о лучшей жизни, раскрывали человеческие возможности, побуждали стремиться к лучшему.

С середины XIX века социализм появляется как течение, которое мы относительно неплохо знаем. Он тесно связан с наукой, с гуманизмом и в целом с идеей освобождения человека. Постепенно социализм становится одним из ведущих мировых суперпроектов и является им по сегодняшний день. Я говорю о суперпроекте, поскольку он включает значительное число разных идей, форм, направлений и политических воплощений.

Социалистические идеи становятся всё более популярными и на глобальном уровне, и в отдельных странах. Немалая часть людей считает оптимальной общественную систему, в которой эффективная экономика сочетается с принципами социальной справедливости. Социализм связан с решением задач не только технологического и экономического, но и культурного прогресса общества и человека. Поэтому и сегодня сторонники и противники социализма ведут оживлённые дискуссии о развитии различных его форм, спорят об их достоинствах и недостатках.

Какой же должна быть российская социалистическая идея в XXI веке, чтобы соответствовать стоящим перед страной задачам? Очевидно, она должна продвинуться дальше и государственного социализма советского образца, и европейской социал-демократии.

Колоссальная привлекательность советского социализма долгие годы обеспечивалась тем, что он сумел за относительно короткий исторический период вывести слабо- и среднеразвитые страны на новый уровень индустриального развития. Социал-демократы, особенно в европейских

странах, смогли найти механизмы сочетания экономического развития, социального благосостояния и политической демократии. Во многом благодаря им идея социального государства стала широко признанной.

Нужно переосмыслить и другой опыт. В частности, строительство самоуправленческого социализма в бывшей Югославии, «народных демократий» в странах Восточной Европы.

Сегодня Китай демонстрирует успешный пример сочетания принципов социализма с рыночными отношениями и с национальными традициями. Показательно, что экономика КНР даже в условиях кризиса не откатилась назад, а лишь замедлила свой рост.

Немало интересного происходит в ряде стран Латинской Америки. Это попытка синтезировать идеи национального освобождения, элементы индейского общежития, социализма, христианства. Например, мы могли бы присмотреться к опыту Венесуэлы по ограничению бюрократии через поддержку коммунальных советов – формы самоуправления на местах. Пока что в рамках отечественной реформы местного самоуправления мы упускаем немалые возможности для развития социального и демократического фундамента общества.

Одним словом, социалистическая мысль выработала настоящее богатство идей. И было бы жаль терять это богатство, которое так продвинуло человечество на пути прогресса.

Горизонты нового социализма

Новый социализм – социализм версии 3.0 – вырастает на базе прошлого и не отрицает накопленного положительного опыта. Широкое движение социальной справедливости должно объединить самые различные направления. От Социалистического Интернационала и левых правительств у власти - до Всемирного социального форума, христианских и экологических социалистов.

Социализм нередко называют антирыночной моделью общества. Да, это касается именно общества, но не экономики. Новый социализм не ликвидирует рынок, а устраняет вопиющие деформации рыночных отношений, ограничивает притязания рынка на тотальную власть. Вторжение рыночных отношений в социальную сферу, в культуру, в отношения между гражданами и государством дезорганизует общество, разрушает мораль, ведёт к злоупотреблениям и коррупции. Сами отношения социализма с

рынком требуют дополнительного исследования. Есть много свидетельств того, что не все рынки обязательно являются капиталистическими.

Новый социализм подразумевает развитие гибкой и эффективной системы общественных институтов, структур коллективного взаимодействия, направленных на решение проблем каждого человека. Мы знали много технологий позитивной социализации человека – например, пионерское движение, «стройотряды». Не утрачивая их, сегодня нам нужно искать более современные и привлекательные социальные технологии.

Важнейший вопрос для нового социализма – это культура. В тех странах, где экономические и социальные проблемы решены на высоком уровне, этот вопрос становится одним из ключевых. Массовая развлекательная культура не может решить задач дальнейшего развития человека. С другой стороны, некоторые левые организации в стремлении освободить человека стали замахиваться на саму его природу. Ответ на вопрос о культурном социализме – это одна из главных тем для социализма XXI века.

В этой связи много говорится о справедливости в образовании, равном доступе к культуре и знаниям. Это условия развития человека и неисчерпаемые источники ресурсов. Проблема XXI века – это не только доступ к знаниям, но главное – понимание того, какие знания нам необходимы.

В современном мире формируется новый, уже шестой по счёту технологический уклад. В его основе – био- и нанотехнологии, системы искусственного интеллекта, альтернативная энергетика. Ключевым ресурсом, наравне с технологическим «хай-теком», становится и так называемый «хай-хьюм» – передовые социогуманитарные технологии, направленные на развитие человеческого потенциала. Очевидно, что воплощение в жизнь прорывных идей и технологий невозможно без качественно новых социальных отношений, институтов и ценностей.

Традиционно в числе главных задач социализма находится освобождение человека, преодоление разных форм отчуждения, гуманизация общественных отношений. Несомненно, в XXI веке эти задачи не только сохраняют свою актуальность, но и приобретут новое содержание.

Не секрет, что имеется множество катастрофических и тоталитарных сценариев будущего, но практически нет – гуманистических. Особенно это заметно в литературе и кино. Место утопий заняли антиутопии. А ведь тот

образ, который человек видит каждый день, в частности, по телевизору, программирует и формирует нашу реальность. Нам надо понять преимущества «человека будущего». Развитой личности, живущей в гармонии с обществом и природой, – перед эгоистичным потребителем-гедонистом. Надо ответить на вопрос: как «биоконструирование» человека, появление его новых возможностей совместить с задачами построения более справедливого общества? Уверен, эти и другие темы не должны оставаться без внимания.

Александр Зинovieву принадлежат слова о том, что «ослабление и исчезновение устремлённости в будущее является признаком стагнации социального субъекта»⁴. Сегодня мы должны мыслить перспективно, находить и реализовывать новые идеи. Одним словом, не пытаться кого-то догонять, копировать, встраиваться в чужие проекты, а формировать наше собственное будущее таким, каким мы хотим его видеть.

⁴ А. Зинovieв. На пути к сверхобществу.

Александр Зиновьев – фигура ренессансная: философ, логик, социолог, писатель, художник, поэт

О. М. Зиновьева,
*руководитель Исследовательского центра им. А.А. Зиновьева
Московского гуманитарного университета,
главный редактор журнала «ЗИНОВЬЕВ»*

Александр Зиновьев (1922-2006) – философ, логик, социолог, писатель, художник, поэт. В творческой деятельности Александра Александровича Зиновьева можно различить логический, социологический, публицистический и литературные периоды.

Логическо-методологический период – 1960-1975, когда были опубликованы основные логические сочинения профессора, доктора наук Александра Зиновьева, принесшие ему мировую известность в качестве логика (оператор неопределенности, комплексная логика, доказательство недоказуемости Великой Теоремы Ферма и т.д.), входившего в тройку ведущих специалистов в этой области. Он разработал свою систему логики, в которой дал свое понимание предмета, задач и правил логики в целом, по-новому построил признанные разделы логики и радикально расширил сферу логики, включив в нее новые разделы, ориентированные на разработку методологии эмпирических наук, в первую очередь, наук социальных.

С 1976 года началась публикация литературных, публицистических и социологических сочинений Зиновьева, происходит переход от официального логического этапа к литературно-социологическому. Произошел самый значительный перелом в его интеллектуальной жизни. Логические исследования Зиновьева сыграли огромную роль в его социальных исследованиях. И прежде всего, в исследовании советского общества как исторически первого и классически развитого образца общества коммунистического типа. Зиновьев сосредоточился на логической обработке языка социологии и разработке ее эвристических методов. Результатом его работы в этом направлении явилось то, что он впоследствии назвал **логической социологией**.

В общей сложности А.А. Зиновьевым написано и опубликовано более 40 произведений по логике, социологии, а в литературном жанре новым явилось создание им принципиально нового явления в литературе – **социологического романа**.

Графически-изобразительный период – вся жизнь этого уникального человека.

Каждая страна рано или поздно рождает своего мыслителя, способного увидеть и не упустить ни единого из внезапных поворотов, сотрясающих исполинскую машину под названием «общество». Таким был ученый, философ, социолог, писатель, известный редкой яркостью таланта, академик европейских, международных и российских академий, фронтовой летчик, поэт и художник, лауреат международных литературных и научных премий, гражданин мира Александр Зиновьев. Судьба его уникальна. Личность его соразмерна эпохе Ренессанса, до сих пор не превзойденной по числу живших в то время титанов мысли и духа.

Александр Александрович Зиновьев родился в 1922 году. Мальчика из многодетной крестьянской семьи, выросшего в глухой российской деревушке Пахтино Костромской области, ожидало будущее, полное драматизма и великих свершений. Ему суждено было стать величайшим исследователем советского коммунизма, судьба которого столь похожа на его собственную.

В 1946 году Зиновьев поступил на философский факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Уже на студенческой скамье (особенно в аспирантуре) проявилось такое его качество, как следование известному принципу: «Подвергай всё сомнению». Какую бы сферу действительности ни делал Зиновьев предметом своих исследований, он ничего не принимал на веру. Критический анализ он распространял на способы постижения мира, освященные тысячелетиями, в том числе на философию.

По словам Герберта Маркузе, авторитетного знатока учения Гегеля и Маркса, даже ранние сочинения Маркса не являются в сущности философскими. В них содержится отрицание философии, хотя и выраженное философским языком. То же можно сказать и о Зиновьеве. В его ранних сочинениях содержится отрицание марксистско-ленинской философии, критический взгляд на работы современных философов.

Но ещё более глубокими и острыми, порой язвительными, были его устные критические эскапады, звучавшие во время перерывов между лекциями и семинарами, после них, во время разного рода, как теперь говорят, «тусовок». Этот первый период творчества Александра Зиновьева его сокурсник Карл Кантор назвал «философским сатирикеном». Зиновьев был неистощим на шутки, выпады по адресу философии диалектического и

исторического материализма, его творцов, продолжателей и охранителей. Послушать его импровизированные коридорные мини-лекции сбегались студенты и аспиранты всех курсов, а иногда и преподаватели.

Зиновьев мало мог почерпнуть у преподавателей философского факультета. Ещё до войны он успел изучить Канта, критически проштудировать диалектику Гегеля и Маркса. В итоге он, как и Маркс, поставил целью создание подлинной научной социальной теории, однако при этом не отбросил целиком философию, а трансформировал в оригинальную социальную философию.

Другой поворотный пункт в его интеллектуальной эволюции – разрыв с метафизикой, которая на протяжении веков считалась сердцевинной философии. В центр его научного творчества встала логика в самых различных её ипостасях: традиционная, диалектическая, математическая, включая многозначную логику. Проблемы логики и методологии науки захватили его – он всегда целиком и со страстью отдавался делу, которое считал на данный момент принципиально важным. К моменту выхода «Зияющих высот» стаж его профессиональной работы в логике составлял почти четверть века.

При всей увлечённости логикой она никогда не была для Зиновьева самоцелью. Вспоминая этот период, он говорил, что занялся логикой, поскольку, погрузившись в изучение советского общества, социальной организации человеческого бытия в целом, пришёл к выводу, что современная наука не располагает надёжными познавательными инструментами социальных исследований. Вот почему создание научной социальной теории должно было, по мнению Зиновьева, начаться с создания логики и методологии социального познания, отвечающей критериям научности.

В фокус научных интересов Александра Зиновьева прочно попадает советское общество, которое формировалось на его глазах. Уже в юношеские годы он понял, что реальное советское общество имело мало общего с тем, как его изображали в советской идеологии и официальной науке. Познать, каким оно является в действительности, стало целью его жизни. Зиновьев в полной мере отдавал себе отчёт в том, что подлинно научное исследование и правдивое, объективное описание реального социального строя Советского Союза было исключено. И потому занимался этими исследованиями нелегально, скрывая их направленность и масштабы даже от близких друзей

и сохраняя результаты своих размышлений в памяти. Ему в этом отношении повезло: природа наградила его феноменальной памятью.

Еще студентом Зиновьев создал собственную логическую концепцию, вовлёл в свои занятия логикой и методологией способных студентов философского факультета МГУ, т.н. «диастанкуров». Среди них были такие незаурядные личности, выросшие впоследствии в известных учёных, как Борис Грушин, Мераб Мамардашвили, Георгий Щедровицкий.

Первые результаты логических исследований Александра Зиновьева составили ядро его кандидатской диссертации «Восхождение от абстрактного к конкретному в «Капитале» К. Маркса». Она оказалась своего рода интеллектуальной «бомбой», которая «рванула» в ходе защиты диссертации, которая состоялась в 1954 году на философском факультете МГУ. Защита стала событием не только в жизни философского факультета. Зал ученого совета, где проходила защита, не вмещал всех желающих. Многие приехали из других городов.

Сегодня можно только удивляться, что члены учёного совета не осознали в полной мере, что диссертация по существу была направлена против сталинской упрощённой трактовки философии, против сталинизма как идеологии. Вместе с тем инстинктивно они чувствовали: работа «идейно чуждая». И только потому, что философский синедрион интеллектуально не соответствовал предмету исследования Александра Зиновьева, его не посадили.

С первой попытки диссертация не прошла. Её пришлось защищать дважды: еще раз на ученом совете факультета, а затем в ВАКе.

Перипетии, связанные с защитой, Зиновьев и его соратники восприняли как свою победу. Отклоняли диссертацию вяло, через силу, неубедительно. Дискуссия же была обстоятельной, длительной, острой, непримиримой и победной лично для Зиновьева.

Александр Зиновьев первым не только в советской, но и в мировой философии представил диалектику как систему логических операций. В мышлении процесс познания начинается с выделения какой-то отдельной черты реального объекта, которая выступает в мышлении как абстракция. И от абстрактного в мышлении путем тонко разработанных процедур осуществляется переход к конкретному в мышлении, которое предстаёт в итоге как совокупность, точнее, как целостность, единство таких абстракций. Эта целостность и есть конкретное знание реального объекта.

Заслуга Зиновьева в том, что он выявил, описал, выстроил в систему тот последовательный ряд процедур (этапов), из которых складывается движение познания от абстракции как знания об отдельном свойстве объекта к конкретному знанию как приведенной в систему совокупности, множеству свойств, воплощающих знание об объекте во всём его богатстве. До Зиновьева никто из адептов гегелевско-марксовской диалектики не мог описать и объяснить этот мыслительный процесс. Итак, Зиновьев открыл, а точнее, создал тот последовательный ряд процедур, через которые проходит процесс познания.

Академическая карьера А.А. Зиновьева складывалась удачно. В 1955 году он становится научным сотрудником Института философии Академии наук СССР, где проработал до 1976 года. В 1960 году он защитил докторскую диссертацию по теме «Философские проблемы многозначной логики», вскоре получил звание профессора, пост заведующего кафедрой логики философского факультета МГУ. Он много и плодотворно работает в области логики и методологии науки. «Его научный интерес в эти годы, – пишет академик РАН А.А. Гусейнов, – сосредоточен на проблемах логики. Результаты его логических исследований отражены в следующих книгах: «Философские проблемы многозначной логики» (1960 г.); «Логика высказываний и теория вывода» (1962 г.); «Основы логической теории научных знаний» (1967 г.); «Комплексная логика» (1970 г.); «Логика науки» (1972 г.), «Логическая физика» (1972 г.). Из шести его монографий по логике, вышедших в Москве в период с 1960 по 1972 годы, пять сразу же были переведены на английский и немецкие языки и изданы в странах Запада – явление для нашей философской науки исключительное как в те годы, так и в наши дни. Корпус логических сочинений Зиновьева впоследствии дополнился обобщающими трудами «Очерки комплексной логики» (2000 г.), «Логический интеллект» (2005 г.), специальным исследованием «Логическая социология» (2002 г.), а также посмертно опубликованным завершающим трудом «Фактор понимания» (2006 г.).

Александр Зиновьев явился одним из пионеров развития математической логики в России, внес вклад в такие ее области, как многозначная логика и теория логического следования. Одновременно он разрабатывает собственную логическую теорию, названную им комплексной логикой и исходящую из особого понимания самого предмета логики. Логика, считает он, имеет дело с языком, взятым лишь в одном качестве – в качестве

искусственно изобретенной и отделенной от человеческого тела знаковой системы, призванной фиксировать, хранить, передавать и наращивать знания. Она выделяет в языке компоненты, образующие структуру знаний (термины, высказывания, терминообразующие и высказывающие операторы и другие, производные от них и обслуживающие их, знаки), подвергает их особой обработке и устанавливает правила оперирования ими. Он выступил против подмены логики математическим аппаратом, за восстановление ее суверенитета как особой науки, лежащей в основе всех прочих наук, включая и математику. Он сформулировал фундаментальное положение, согласно которому **в науке не должно быть проблем, неразрешимых по вине логики**. В целом его реформа логики была направлена на такое переосмысление ее основ, при котором она служит целям эмпирических наук.»⁵.

В созданной им науке о логическом интеллекте, которую он назвал «интеллектологией», А.А. Зиновьев соединил собственно логику (учение о мышлении) с онтологией (учением о бытии) и гносеологией (учением о познании). Его вкладом в философию является логическое обоснование истинности философии, продуктивности её методов. Зиновьев ставит логику впереди философии. Эту новацию можно считать переворотом в понимании соотношения философии и логики, в котором логика в прямом и переносном смысле превращается в царицу знаний. Зиновьев вернул логике престиж первичной дисциплины, обязательной пропедевтики *per se*. Но такое положение логики требует глубинного, то есть философского, обоснования. В связи с этим Зиновьев выдвигает два положения.

Первое положение: логика – наука не о мышлении, о языке. Но это не изучение языка как такового, каким он существует в повседневной жизни и практике. Логика выполняет особую работу в сфере языка, которая состоит в выявлении специальных элементов языка, их обработке, совершенствовании, в изобретении новых элементов, а также разработке особых правил оперирования ими. Цель логики – конструирование таких правил оперирования языком, которые позволяют осуществлять познавательную деятельность, понимаемую как получение истинных знаний. Логика не находит эти правила существующими в готовом виде в языковой практике,

⁵ А.А. Гусейнов, Великие пророки и мыслители, М., 2009, стр.335-336

независимо от того, изучают их или нет. Она изобретает их и вносит в языковую практику.

Второе положение: то, что операции с языковыми структурами, то есть со знаками, которые материальны по своей природе, позволяют получать истинное знание, возможно потому, что сама познавательная деятельность материальна. Принимая эту установку, Зиновьев заявляет о себе как материалисте, но не в том значении этого термина, которое официальная советская философия приписывает воззрениям Маркса, а в собственном, зиновьевском значении. Его взгляды – абсолютный философский материализм.

Материалистические претензии А. Зиновьева к общепринятому толкованию сознания не могут не шокировать не только идеалистов, но и материалистов. До сих пор, замечает он, «живет и даже преобладает взгляд на человеческое сознание как на особую идеальную (нематериальную) субстанцию, принципиально отличную от субстанции материальной (вещной)»⁶. На самом деле, полагает Зиновьев, сознание людей – явление столь же материальное, как прочие явления живой и неживой природы. Никакой бестелесной (нематериальной, идеальной) субстанции вообще не существует, сознание есть состояние и деятельность мозга человека, связанной с ним нервной системой. Вот почему, считает Зиновьев, «рассматривать человеческое сознание как особую идеальную (нематериальную) субстанцию, принципиально отличную от субстанции материальной, есть дань невежеству и идеалистической философии»⁷.

Логика как критерий истинности основополагающих философских понятий проста и доступна. Зиновьев продемонстрировал это на примере определения понятия материи: «Все известные мне философские онтологические учения, включая диалектический материализм, не истинны и не ложны, поскольку фигурирующие в них языковые выражения не определены в соответствии с правилами логики. Они просто бессмысленны. Возьмем слово «материя». Общеизвестно определение материи, приписываемое Ленину и считавшееся вершиной философской премудрости. Вот оно: материя есть объективная реальность, существующая вне нас,

⁶ К.М.Кантор. Логическая социология Александра Зиновьева как социальная философия, Москва, 2002 г., стр.12.

⁷ К.М.Кантор. Логическая социология Александра Зиновьева как социальная философия, Москва, 2002 г., стр. 8.

независимо от нас и данная нам в ощущениях. В определяющую часть входит выражение «объективная реальность» (родовой термин) и «данное нам в ощущениях» (видовой термин). А что такое объективная реальность? Этот термин также сложен для определения, как и термин материя. Одна неясность заменяется другой, и создается иллюзия понимания»⁸.

Настаивая на приоритете логики в делах познания, Зиновьев подчёркивает: «Диалектический подход к явлениям бытия не означает, будто при этом теряют силы законы логики»⁹. Он исходит из того, что «логическая обработка понятий и утверждений, отражающих диалектику бытия, устанавливает сферу применимости и уместности диалектики как учения, удовлетворяющего критерию научности»¹⁰. Провозглашая, что диалектика поглощается логической методологией, Зиновьев вместе с тем выступает как страж диалектики. Достоинно уважения его признание: «Я считаю своим долгом, однако, упоминать о диалектике, поскольку она была и является реальным фактором человеческого интеллекта»¹¹.

Казалось бы, в этой связи он воздаёт должное своим учителям диалектики Гегелю и Марксу, на деле же он скорее развенчивает их: «Гегель, который сделал самый значительный вклад в диалектику, мистифицировал ее в большей мере, чем кто-нибудь другой. Он ограничил число законов диалектики несколькими. Перечисление их – заслуга Сталина, что и стало основным содержанием текстов на эту тему. Маркс взял диалектику на вооружение в своих сочинениях и несколько рационализировал ее, но он не дал ее систематического построения, ограничившись отдельными разрозненными замечаниями»¹². Эту задачу в значительной мере выполнил Зиновьев, «расшифровав» логику «Капитала» на примере диалектики восхождения от абстрактного к конкретному.

Нельзя не видеть, что, на словах отрекшись от Маркса, его взглядов, многие социологи и сегодня продолжают пробавляться крохами его мыслей об устройстве общественной жизни, потому что ничего больше за душой у них нет. Но являются ли научными сами философские и социологические взгляды Маркса? Зиновьев воздаёт должное мыслителю. По его словам, Маркс – один из самых выдающихся умов в истории человечества. Вместе с тем Зиновьев

⁸ А.А. Зиновьев, Фактор понимания, Москва, 2006 г, стр.122-123.

⁹ А.А. Зиновьев, Фактор понимания, Москва, 2006 г., стр.151.

¹⁰ А.А. Зиновьев, Фактор понимания, Москва, 2006 г., стр.91-92.

¹¹ А.А. Зиновьев, Фактор понимания, Москва, 2006 г., стр.151-152.

¹² А.А. Зиновьев, Фактор понимания, Москва, 2006 г., стр.165.

не считает, что Марксу удалось разработать научную социальную теорию: он «создал, в общем и целом, величайшую в истории нерелигиозную идеологию, хотя стремился к научному пониманию общества и был убежден, что создал именно таковое»¹³.

Характеризуя учение Маркса как идеологию, Зиновьев тем самым отнюдь не принижает значения его трудов. Просто идеология – это продукт интеллектуальной деятельности, имеющий качественно иную по сравнению с наукой природу. Он полагает, что «именно классовая позиция Маркса была одной из причин, сбивших его с научного подхода к обществу и социальной эволюции на идеологический»¹⁴. В то же время для консолидации, устойчивого функционирования, даже самого существования общества, утверждает Александр Зиновьев, идеология не менее важна, чем наука, а в иные периоды более важна, чем наука. И если говорить о возрождении страны, то, по мнению Зиновьева, систему власти в стране можно привести в порядок в течение нескольких месяцев, экономику – в течение нескольких лет, а вот выработка идеологии потребует нескольких десятилетий, что подчеркивает ее основополагающее значение для государства.

Логические исследования Зиновьева послужили методологической опорой начатой им грандиозной работы по возведению здания социальной теории, в полной мере отвечающей требованиям науки. Воплощением такой теории явилась созданная им логическая социология.

Эта теория опирается на определённые онтологические предпосылки, касающиеся природы объектов, с которыми имеет дело социология. Зиновьев исходит из того, что социальные объекты относятся к категории эмпирических, то есть ощущаемых, воспринимаемых, наблюдаемых с помощью органов чувств. Они локализованы в пространстве и времени, возникают, исчезают, меняются и т.д. Словом, социальные объекты – это своего рода вещи.

Зиновьев выделяет типы социальных объектов: социальный атом – человек, человеческие объединения, социальные объединения – сознательные объединения людей для совместных сознательных действий. Сложные социальные объекты суть комбинации социальных «атомов», воспроизводящие основные черты этих «атомов».

Внимание логической социологии концентрируется на социальных объектах особого рода, которые Зиновьев называет «человекойником». Этот

¹³ А.А. Зиновьев, Фактор понимания, Москва, 2006 г., стр.171-172.

¹⁴ А.А. Зиновьев, Фактор понимания, Москва, 2006 г., стр.173.

термин введен им как экспликация, то есть уточнение, терминов «общность», «общество», которые, как известно, не отличаются ясностью и однозначностью вкладываемого в них смысла. Материалом, из которого состоит человек, являются люди и всё то, что создаётся и используется ими для существования: орудия труда, жилища, одежда, средства транспорта, технические сооружения и прочее. В логической социологии материал человека принимается как данность. Её внимание сосредоточено на организации материала, то есть на способах, формах, типах социальной организации людей как социальных атомов. В этом смысле логическая социология есть теория социальной организации человек.

Следует отметить, что, проверяя логикой социологию, вообще любую теорию, претендующую на научность, Александр Зиновьев был далёк от того, чтобы быть в этом вопросе пуристом. Он в полной мере сознавал, что реальное познание не всегда укладывается в каноны, предписываемые логикой, что в иных случаях для прояснения предмета исследования, лучшего понимания смыслов используемых терминов приходится прибегать к средствам, приёмам познания, не отвечающих требованиям логической строгости.

«Человек» – это не только понятие, но и образ, основанный на таком художественном приёме, как метафора. Использование такого (не научного) приёма помогает получить начальное представление о предмете исследования, базирующееся на вполне определённых ассоциациях, рождаемых соединением слов «человек» и «муравейник». Задача исследователя в том, чтобы трансформировать образное представление в ясное понятие, сформулировать его логически строгую дефиницию. Зиновьев решает её, выделяя необходимые и достаточные признаки, которые в совокупности характеризуют человек в качестве объединения, рождающего человеческую форму бытия.

Одна из ключевых методологических проблем социального познания – сама его возможность объективного познания. Известно, что споры вокруг этого идут до сих пор.

Немало учёных, которые связывают объективность социального познания с применением в нём количественных методов. При таком подходе подлинно объективной и, следовательно, научной оказывается прикладная, конкретная социология.

Александр Зиновьев не высоко оценивал эвристическую значимость и информативность таких построений. Прежде всего, потому, что эмпирические данные, собранные и обработанные посредством определённых технических (математических) теорий, либо давали довольно банальные выводы, либо вызывали сомнение в качестве основы для серьёзных обобщений. Для таких обобщений требуется соответствующая теория, которую невозможно построить в рамках эмпирической социологии. Ибо она должна содержать термины и высказывания (положения), которые не сводимы (не редуцируемы) к терминам и положениям эмпирической социологии.

Методы эмпирической социологии, считает Зиновьев, в принципе не годятся для описания структуры человеческих объединений, выявления законов функционирования и развития социальных систем, их институтов, таких, например, как общество, государство, власть, как классы, социальные группы, партии и прочее. Зато применяемые в эмпирических социальных исследованиях методы нередко с успехом используются как средства манипулирования сознанием людей.

Преклонение конкретной социологии перед «цифирью» Зиновьев назвал «террором эмпиризма». «Изобилие величин стало не столько средством достижения истины, сколько средством достижения ее сокрытия»¹⁵. Это замечание А. Зиновьева сохраняет свою актуальность до сих пор.

Другая проблема, рождающая сомнение в принципиальной возможности построения социальной теории, которая бы являлась объективной в том смысле, в каком мы говорим об объективности естественнонаучных теорий, заключается в изначальной детерминации исследователя его ценностной ориентацией, культурой, к которой он принадлежит, групповыми интересами и т.п.

Александр Зиновьев исходит из того, что объективное социальное познание возможно. Он считает, что в совокупности многообразных социальных позиций (ролей), задающих траекторию поведения индивида в человекине, есть такая позиция, которая предопределяет сторонне-объективный взгляд на социальную реальность. Это позиция аутсайдера, человека, который сознательно «очистил» свое сознание от доминирующих ценностей, господствующих целевых установок, отказался от жизни по

¹⁵ А.А. Зиновьев, Фактор понимания, Москва, 2006 г., стр.169.

правилам, навязываемым обществом. Это то, что в «Зияющих высотах» Зиновьев охарактеризовал как неучастие в борьбе.

Сама общественная жизнь содержит моменты, которые требуют объективных знаний. В результате чего производство истинных знаний об обществе выступает как условие самосохранения общества. Естественно, в ходе познавательной работы, наряду с истинными знаниями, производится огромное количество ложных знаний. Но важно то, что истинные социальные знания тоже производятся.

Объективность социального познания обеспечивается также применением специальных инструментов социального познания, отвечающих требованиям логики. Они «работают» в социальной сфере, поскольку имеется принципиальная возможность применять их по отношению к истинным знаниям.

Немаловажное значение имеет также изживание того, что вслед за Ф. Бэконом, можно назвать «идолами», искажающими познание. Основных «идолов» социального познания, согласно Зиновьеву, два: смешение идеологии и социальной теории; тенденциозность, субъективизм в социальных науках.

Фундаментальным положением логической социологии Александра Зиновьева является постулат, согласно которому законы образования сложных объединений, как и вообще социальные законы, универсальны. Это значит, что данные законы действуют всегда и везде, где имеют место соответствующие им определённые условия. Например, фундаментальный закон дифференциации объединения на тех, кто выполняет функции управляющего органа (мозга, сознания) и тех, кто выполняет функцию управляемого тела, имеет силу и в отношении объединений, состоящих из нескольких человек, и в отношении объединений сотен миллионов.

Социальные объединения сохраняются и эволюционируют благодаря сознательно-волевой деятельности людей. Но это не значит, что эта деятельность носит произвольный характер. Существуют определённые объективные законы, с которыми люди вынуждены считаться в своей жизнедеятельности. Эти законы объективны в том смысле, что не зависят от того, знают о них люди или нет. И чтобы люди ни предпринимали, они не в силах отменить эти законы.

Объективность социальных законов вовсе не означает, будто люди не могут совершать поступки, не считаясь с ними. Могут, и часто делают это. Но

сами законы от этого не перестают существовать. Например, чтобы сложное объединение, например, страна, могла существовать как единое целое в течение длительного времени, нужно, чтобы её органы управления постоянно пополнялись людьми, способными успешно выполнять управленческие функции. Это выполняется далеко не всегда. Но оттого, что закон нарушается, он не перестаёт быть законом. Его нарушение в течение длительного времени всегда приводило к распаду страны. И это есть неопровержимое доказательство объективности данного закона, невозможности его отмены.

Александр Зиновьев в своем учении полагает, что и природные, и социальные законы, которые определенным образом связывают между собой эмпирические явления, тоже материальны, хотя наблюдать их невозможно – для обнаружения их нужны особые познавательные операции. Материальные объективные универсальные законы – вот истинные тираны человечества, от которых оно не избавится никогда, ни при каких обстоятельствах. Отсюда следует пессимистический вывод: «В мире никогда не было, нет и не будет общества всеобщего благоденствия – не по произволу каких-то злоумышленников, а в силу объективных законов бытия»¹⁶.

Казалось бы, этот вывод перечеркивает всю активную, критическую и созидательную деятельность Зиновьева как революционера в науке и общественной жизни. Ведь мало о ком с такой же определённой, как о Зиновьеве, можно сказать: «Его сознание – воплощение воли, упорства, пытливости, пронизательности, проектности, фантазии, способности противостоять общепринятому». Ведь в горчайшем выводе А. Зиновьева отрицается не только научнообразная коммунистическая утопия Маркса, но Октябрьская революция, вообще все революции – и социальные, и научные, и технические.

В чем же дело? Что произошло с мыслителем? А произошло то, что происходит с каждым великим деятелем. Он «перешагивает через самого себя», – как говорил Маяковский, – когда он вступает в новый этап своего творчества. Если он почувствует необходимость, он готов отказаться от самого себя. Посредственностям это не дано.

В отличие от профессионалов, отечественных и зарубежных, А. Зиновьев сосредоточил своё исследовательское внимание на вечных

¹⁶К.М. Кантор, Логическая социология Александра Зиновьева как социальная философия, Москва, 2002, стр.13.

основах человеческого существования, так как именно «основы» и есть истинный предмет его логической социологии. Сам автор избегает отождествлять логическую социологию с социальной философией, но по существу его логическая социология есть социология в расхожем представлении о её предмете и назначении и социальная философия в наиболее возвышенном и утонченном её варианте.

Едва ли не самым интересным и ценным требованием к новой социологической теории, которое выдвигает ее создатель, состоит в том, чтобы «логическая социология была наукой не описательной, а изобретательной»¹⁷. Аналогом логической социологии в искусстве является творчество художественного авангарда начала XX вв. – творчество Пикассо, Клея, Магрита, Апполинера, Кафки, Шенберга на Западе, Филонова, Татлина, Маяковского, Хлебникова, Платонова, Шостаковича в России. Искусство всех их не изобразительное, не описательное, а изобретательное.

Помимо изобретательства к методам логической социологии относится метод мысленного эксперимента, блистательно примененный Марксом в «Капитале». Надо сказать, что А. Зиновьев мастерски владел этим методом.

Философия с тех пор, как она существует, самоопределялась не только как квинтэссенция мышления, но и как двигатель истории, фактор прогресса человечества. Но в социокультуре России традиционно преобладало негативное отношение к прогрессу как якобы основному атрибуту истории.

Зиновьев унаследовал эту позицию. Логическая история в той мере, в какой она выступает как любомудрие, выступает у него как философия социума, когда-то и как-то возникшего и с тех пор не претерпевшего существенных перемен: «Не изучение конкретной истории дает ключ к надежному пониманию социального объекта, а наоборот, изучение сложившегося объекта дает ключ к научному пониманию конкретного исторического процесса, его формированию»¹⁸. Далее он говорит, что логическая социология «ориентируется на изучение и логическое описание лишь того, что можно наблюдать в настоящем, современности; ее задачи – теоретическое осмысление результатов наблюдения существующей реальности»¹⁹.

¹⁷ А.А. Зиновьев, Фактор понимания, Москва, 2006, стр.176.

¹⁸ А.А. Зиновьев, Фактор понимания, Москва, 2006, стр.181.

¹⁹ А.А. Зиновьев, Фактор понимания, Москва, 2006 г., стр.182.

Опираясь на базовые идеи будущей логической социологии, Зиновьев уже в начале 70-х годов разработал основы своей теории советского общества как общества коммунистического типа.

В это же время у него назревает острый конфликт как с властью, так и коллегами по профессии. Его непохожесть в научных и политических взглядах, внутренняя независимость, самостоятельность, нежелание подлаживаться под кого-либо создали ему репутацию «внутреннего эмигранта», что само было вполне достаточным поводом для постоянного отказа ему в поездках за рубеж на международные научные конференции, симпозиумы, чтение лекций. Показывая гостям карту мира с непонятными значками, Зиновьев, шутя, называл ее «картой непоездок». Через некоторое время последовало его освобождение от заведования кафедрой философии в МГУ.

Зиновьев оказывается в идейной, психологической и творческой изоляции. Вместе с тем к нему, к его творчеству всё больший интерес проявляет Запад. Переводятся его логические сочинения, поступают приглашения на научные форумы и на постоянную работу. В период 1971-1973 годов Александр Александрович написал целый ряд публицистических статей, которые были опубликованы в Польше и Чехословакии, – эти страны тогда играли роль посредников между Россией и Западом. В эти же годы он часто выступал с лекциями на самые различные темы, и лекции имели ошеломительный успех.

Вследствие освобождения от заведования кафедрой логики на философском факультете МГУ, потери всех аспирантов и студентов, вынужденного сокращения лекций и освобождения от ряда обязанностей на работе у Зиновьева появилось свободное время, которое он мог безраздельно посвятить творческой деятельности, выходящей за рамки привычной профессиональной работы.

Вот таким образом сложились предпосылки для того, чтобы он начал писать книгу, посвящённую социальным проблемам, советскому обществу. Мысль о такой книге, как «Зияющие высоты», у него появлялась не раз и до этого. Теперь же эти условия были налицо, а потребность высказаться подмяла под себя все остальные соображения и отменяла всякие сомнения. У него и название было для задуманной книги: «Зияющие высоты». Название, ставшее после публикации книги нарицательным, он образовал из выражения

«сияющие высоты», к которым нас, советских людей, неутомимо призывали вожди-руководители.

1974 год – год написания Александром Зиновьевым «Зияющих высот». Книга захватила его целиком и полностью. Одержимость и опаленность дыхания – вот, пожалуй, наиболее точное определение тому состоянию, в котором мы находились тогда, – так охарактеризовала я работу над книгой. Александр Александрович переживал работу над этой книгой так, как будто это был его последний боевой вылет.

Одновременно всё явственнее давало себя знать пристальное внимание к Зиновьеву со стороны органов государственной безопасности. В самом начале, когда он только начал писать «Зияющие высоты», то зачитал несколько отрывков близкому другу. К сожалению, его импульс был ошибочен: «друг» оказался гражданином с безотказным советским чутьем на «запретное», а потому поспешил информировать соответствующую организацию о том, что Зиновьев сочиняет «разоблачительную книгу».

Единственным и бескомпромиссным спасением была скорость. Надо было во что бы то ни стало опередить пресекающие меры органов. В общей сложности Александр Александрович на написание книги потратил около полугода.

Условия, в которых писались «Зияющие высоты», в значительной мере определили форму книги. От начала до последней точки не могло быть уверенности, что удастся написать большую книгу: ведь процесс создания мог быть прерван в любую минуту. Каждый фрагмент писался так, что, случись нечто непредвиденное, он смог бы стать последним. Потому книга получилась как сборник из нескольких самостоятельных книг, куда входили короткие произведения – новеллы, очерки, фельетоны, памфлеты, анекдоты, стихотворения.

Зиновьев писал сразу, без исправлений, как есть, как изливалось и выростало в объемный поток первого романа XXI века, – так назвала его восторженная пресса 33 года назад. Вся редакторская, критическая и корректорская работа выпала на мою долю.

Своим творчеством Зиновьев создал новый жанр социологического романа (социологической повести), в котором научно-социологические результаты излагаются в художественной форме. Понятия, утверждения, отчасти даже методы социологии используются как средства художественной литературы, а последние, в свою очередь, применяются как средства науки.

Следует заметить, что глубокие писатели всегда тяготели к серьезной социальной теории. И тогда, когда ее не находили в готовом виде, они пытались сами восполнить этот пробел, чтобы создать полноценные произведения. А.А. Зиновьев органически соединяет одно с другим, его социологические романы принадлежат одновременно и к области науки, и к области художественной литературы. В результате этого ему удается, с одной стороны, интегрировать в социологическую теорию человеческий, индивидуально-личностный аспект жизнедеятельности, а с другой, изобразить индивидуальные человеческие типы, отношения между ними с учетом их глубокой социальной обусловленности. Социологический роман – явление культуры, требующее специального изучения.

Социологический роман Александра Зиновьева отличается от обычного романа как по содержанию, так и по изобразительным средствам. Литературными персонажами в нем становятся социальные объекты, определяемые социологическими понятиями, и объективные социальные законы. Люди в нем фигурируют лишь как представители различных социальных категорий, как носители социальных закономерностей и материал их функционирования. С другой стороны, традиционно литературные средства (образы, метафоры, стихи, новеллы, анекдоты, фельетоны) становятся средствами выражения научных социологических понятий, утверждений, теорий и гипотез. Сам автор назвал такое использование разнообразных литературных средств синтетическим литературным методом.

Необходимо отметить еще одну характерную черту литературного метода Зиновьева – спокойное, даже холодное, кажется – беспристрастное – изложение идей, как-то незаметно превращающееся в бичующую сатиру. Романы Зиновьева напоминают мозаику из небольших, замкнутых по смыслу текстов – советских анекдотов, диалогов представителей разных специальностей и социальных позиций, случаев из жизни, рассуждений, а также стихов, куплетов и т.д. Заслоняемый диалогами и размышлениями персонажей, сюжет угадывается с трудом. У обобщенных героев отсутствуют имена и описания внешности, они обозначаются как Клеветник, Мыслитель, Социолог, Шизофреник, Западник, Болтун, Патриот, Паникер, Мазила, Директор, Хозяин и т.д. Зиновьев считал, что, поскольку его цель не художественное отображение, а строгая и последовательная аналитика, вполне достаточно раскрыть интеллектуальную позицию героев, не отвлекаясь на такие незначительные детали, как имена, внешность.

Произведения А.А. Зиновьева давали срез умонастроений советской интеллигенции периода «развитого социализма». Его персонажи ведут бесконечные диалоги на всякого рода идеологические и экзистенциальные темы - дают определения и уточняют понятия, сравнивают их реальное и мифологизированное советское значение, пытаются разобраться в сути происходящего и поставить обществу «окончательный диагноз».

Когда Александр Зиновьев начал писать «Зияющие высоты», в мире уже были широко известны книги А.И. Солженицына, десятков других советских и западных авторов, разоблачавших сталинский период. Писать очередную разоблачительную книгу в духе сочинений этого потока было бессмысленно, тем более, что Зиновьев никогда не ходил дорогами, уже протоптанными другими, - наоборот, он всегда выбирал свой путь, по которому потом за ним пытались идти другие. Наиболее подходящей литературной формой тут мог стать именно социологический роман, который, как потом оказалось, и был наиболее опасной для автора формой.

26 августа 1976 года западные радиостанции объявили о выходе в свет в Швейцарии в издательстве «L'Age d'Homme» книги русского писателя Александра Зиновьева «Зияющие высоты». Художественно-публицистический роман содержал «острую критику советского строя». Философ в изложении своих взглядов на устройство советского общества перешел из плоскости аналитической критики к открытому публичному выступлению.

Отвечая на вопрос, что же мы в результате построили, Зиновьев представляет обратную сторону советского мифа – реальную жизнь жителей города Ибанска, где царят жестокость, произвол и безысходность. Ибанчане ведут сократовские диалоги, разбирая с помощью понятий ибанизма – мифа, который они исповедуют, – разного рода ситуации и реалии своей жизни. И каждый раз констатируют абсурдную ситуацию, тупик, логическую ловушку или зря потраченные усилия. В «Зияющих высотах» передано ощущение глобального тупика и безысходности, характерного для последних лет буксующего социализма.

По Зиновьеву, единственное, что может стать исходной точкой реальных изменений в обществе, это «...правда о себе. Правда о других. Беспощадная правда. Борьба за нее и против нее – самая глубинная и ожесточенная борьба в обществе. И уровень развития общества с точки зрения человечности будет отныне определяться степенью правдивости,

допускаемой обществом. Когда люди преодолеют некоторый минимум правдивости, они выдвинут другие критерии. А начинается все с этого»²⁰.

Так на свет появился писатель Александр Зиновьев. Литературной родиной писателя Зиновьева стали Швейцария и Франция. Как писателя на Западе его ставили в почетный ряд с Рабле, Свифтом, Франсом, Салтыковым-Щедриным и другими великими писателями прошлого. К этим оценкам прибавилась еще и другая оценка, но уже как социолога, когда его стали называть «Моцартом социологии». Русскоязычная зарубежная пресса встретила появление Зиновьева как писателя, мягко говоря, сдержанно.

На Родине официальная реакция на «Зияющие высоты», естественно, была прямо противоположной той, какую они имели на Западе. Выход книги власти оценили как откровенный выпад против советского строя. На автора беспрецедентно известной книги обрушились соответственно зарубежной славе беспрецедентные по драматичности и по нелепой убогости репрессии. Он был лишен степени доктора философских наук, звания профессора, лишён всех наград, в том числе фронтовых. Драматичным было изгнание из Института философии АН СССР. Его исследования объявили не имеющими никакой ценности, оценки и выводы, содержащиеся в «Зияющих высотах», – клеветой на социалистический строй, а имя буквально вычеркнули из советской науки. Через некоторое время А.А. Зиновьеву было предложено либо покинуть страну, либо готовится к более суровым мерам.

Причиной такой острой реакции советских властей на появление «Зияющих высот» не в последнюю очередь явился их необычайный успех на Западе. Самое страшное преступление Александра Зиновьева состояло в том, что он обнаружил себя и в литературе как величина огромного масштаба. Французская журналистка-литературовед Николь Санд одну из своих первых статей в «Le Monde» о творчестве писателя Александра Зиновьева назвала так: «Гулливвер в стране лилипутов». Понятно, что такие сравнения власть терпеть не могла.

С 6-го августа 1978 года начинается вынужденная эмигрантская жизнь А.А. Зиновьева, которая продлилась 21 год. Все это время он жил в Мюнхене, занимаясь научным и литературным трудом, выступал в качестве приглашенного профессора. Его статьи и интервью широко публиковались в зарубежной прессе. И всё же в круг диссидентов он не входит, поскольку,

²⁰ А.А. Зиновьев, «Зияющие высоты», 1976 г.

подвергая устройство советского общества резкой критике, не обнаруживает характерного для диссидентов неприятия всего советского. Его позиция – позиция учёного: «Мы были новаторами в построении нового общества. Мы должны стать новаторами и в его понимании, а значит – и в его беспощадной критике».

В 1980 году выходит его научный труд «Коммунизм как реальность», в котором излагается разработанная им теория реального коммунизма. Известный социолог и советолог Раймон Арон охарактеризовал её как единственную действительно научную работу о советском обществе. Труд был удостоен премии Алексиса де Токвиля – высшей награды в области социологии. Александр Зиновьев и поныне остаётся единственным лауреатом этой премии среди отечественных учёных.

Александр Зиновьев пишет множество научных и публицистических статей, выступает с многочисленными докладами и интервью, в которых излагает, уточняет, развивает свои воззрения. Особо следует отметить его научно-литературные произведения, замечательные социологические романы и повести того периода: «Светлое будущее» (1978 г.), «В преддверии рая» (1979 г.); «Желтый дом» в 2-х томах (1980 г.); «Гомо советикус» (1982 г.); «Пара беллум» (1982 г.); «Нашей юности полет» (1983 г.); «Иди на Голгофу» (1985 г.); «Живи» (1989 г.). В них он продолжает то, что начал в «Зияющих высотах», – в свойственной ему манере исследует социальную действительность, место в ней человека.

В романах «В преддверии рая» и «Желтый дом» развивается тема абсурда социализма. Так, в «Желтом доме» показана жизнь советской интеллигенции – философов и идеологов, за символическими фигурами которых угадываются реальные фигуры советской философской элиты тех лет. Мало кто из них решается подвергать критике устройство существующего «режима». Большая часть, не разрабатывая ничего нового в области теории, активно занимается «марксистской критикой» буржуазных течений, по сути, паразитируя на буржуазной науке и идеологии.

Повести «Гомо советикус» и «Пара беллум» раскрывают тему советского человека на Западе, где чисто внешние изменения общественных условий не меняют первичные общественные инстинкты. Реальные изменения, по мнению автора, возможны только после глубокой работы над собой, предполагают выработку новых ценностей, способности воспринимать правду о себе.

В повести «Иди на Голгофу» А.А. Зиновьев затрагивает темы воспитания. По его мнению, для адаптации и функционирования в современном обществе вполне достаточно поверхностных знаний. Но если ставить целью стремление к истине, то задачи образования должны быть иными.

Книги Зиновьева, опубликованные за рубежом, подпольно переправлялись в СССР, размножались и расходились по каналам самиздата.

Новый этап в научном творчестве Александра Зиновьева связан с началом перестройки в Советском Союзе. Он воспринял её резко отрицательно, назвав «катастрофой». Зиновьев считал, что кризис, в котором оказался Советский Союз к середине 80-х годов, не был кризисом самой системы реального коммунизма, а был кризисом управления этой системой. Его разрешение требовало поиска, разработки, применения специфических именно для коммунистического общества средств, а не разрушения его основ. Методы, заимствованные из принципиально иной западной системы, рыночные реформы и либерализация, такими средствами не являлись. Ставка на них, утверждал Зиновьев ещё в самом начале перестройки, неминуемо приведёт к краху советского строя, страны в целом.

Чтобы обосновать свой взгляд на перестройку, А.А. Зиновьев сделал упор на выявление потенциала коммунистической системы, который он считал огромным, пока ещё не использованным даже в малой степени. Коммунистическая идеология с ее высокими гуманистическими ценностями, доказывал он, имеет мало общего с ее реализацией в советской действительности. Он показывал, какие «банальности жизни» не дали раскрыться заложенным в коммунизме возможностям. Об этом его многочисленные работы тех лет: «Горбачевизм» (1988 г.), «Катастрофка» (1988 г.), «Смута» (1994 г.), «Русский эксперимент» (1994 г.). Но главное – Зиновьев доказывал, что строй, идущий на смену советскому строю и воплощённый в том, что принято называть Западом, уступает коммунизму с точки зрения возможностей создания достойных условий жизни для людей.

Учёный выступил с подобными заявлениями в то время, когда и в Советском Союзе, и за его пределами перестройка воспринималась как эпоха гуманистического обновления социализма. Многие ученые, писатели, философы, деятели культуры, журналисты, политики, широкие слои населения пребывали в состоянии эйфории по поводу происходящих перемен, ходили на митинги, спорили, строили планы. Позиция Зиновьева

шла вразрез с подобными настроениями, а потому, чтобы настаивать на ней, от Зиновьева требовались не только уверенность в своей правоте учёного, но и гражданское мужество. Он проявил и то, и другое. Его выводы, оценки, прогнозы подтвердились очень скоро и, к его сожалению, полностью.

Несмотря на неприятие Зиновьевым перестройки, лично для него она имела, по крайней мере, одну положительную сторону: дала возможность вернуться на Родину, в Россию (правда, уже в другую Россию, чем та, которая приговорила его к вынужденной эмиграции). Он вернулся на постоянное жительство в Россию, в Москву со словами: «Мой народ оказался в большой беде, и я возвратился, чтобы разделить с ним его судьбу»²¹.

О периоде жизни за границей Зиновьев с горечью вспоминает: «20 долгих лет на Западе я прожил в состоянии депрессии и тоски по Родине, хотя мною были написаны 40 книг. Суверенное государство на Западе, так я себя называл!»²².

Испытания, выпавшие на долю А. Зиновьева, не сломали его. Вернувшись на Родину, он активно включается в научную деятельность и общественно-политическую жизнь: пишет книги и статьи, ведёт преподавательскую и научную работу в МГУ, в Исследовательском центре Александра Зиновьева при Московском гуманитарном университете, в Литературном институте им. М. Горького, возглавляет Общественный комитет по освобождению Слободана Милошевича. Выступает в прессе, по радио и телевидению по вопросам взаимоотношений России и Запада, внутренней и внешней политики.

Крах реального коммунизма, олицетворением которого был СССР, побудил Александра Зиновьева обратиться к исследованию принципиально иной ситуации, сложившейся в мире после распада СССР. Своё внимание он сосредоточил на социальной системе современного Запада как качественно новом явлении в эволюции человечества. Уже сама такая постановка вопроса может с полным правом рассматриваться как поворотный момент в развитии социологии. Результаты этих исследований Зиновьева изложены в изданных теперь уже в Москве работах: «Запад» (1995 г.), «Глобальный человек» (1997 г.), «На пути к сверхобществу» (2000 г.).

Как отмечалось выше, человек – ключевое понятие социологии Зиновьева. В своём развитии человек проходит три стадии: предобщество,

²¹ Интервью А.А. Зиновьева, 1999 г.

²² Интервью А.А. Зиновьева, 1999 г.

общество, сверхобщество. Переход от общества к сверхобществу является собой основную тенденцию развития человечества, сформировавшуюся во второй половине XX века. Эволюция человечества в течение определенного периода времени протекала в виде борьбы двух линий: коммунистической, наиболее полно и цельно воплощённой в Советском Союзе, и западнистской, воплощённой в США и странах Западной Европы. В этой борьбе победил Запад, выиграв «холодную войну» против советского блока. Россия, считает Зиновьев, из «большой игры» выбыла, опустившись на уровень сырьевого придатка Запада с демократией колониального типа. Правда, он не даёт однозначного ответа, являются ли победа Запада и поражение России окончательными, бесповоротными или же перспектива возрождения России как супердержавы не закрыта. Точно также в разных работах Зиновьева можно найти различные оценки перспективы возрождения коммунизма в обновлённой форме. Будучи истинным учёным, Зиновьев воздерживается от вынесения «приговора», формулирования категорических выводов и прогнозов, когда считает, что для этого пока нет достаточных оснований в виде фактов, выявленных закономерностей, устойчивых тенденций.

Вместе с тем Александр Зиновьев в своих трудах, посвящённых сверхобществу в его западнистской форме, высказывает ряд вполне чётких и обоснованных положений. Он создаёт логически строгое описание западнизма как социального строя современных стран западного мира. Этот процесс протекает на основе и в соответствии с законами социальности, в силу которых другие (незападные) народы и страны будут занимать периферийное и подчинённое положение. В отличие от коммунистического сверхобщества западное сверхобщество формируется не сверху, а снизу. Тут нет насилия и жестокости, которые характерны для советской модели. Зиновьев скрупулёзно исследует изменения, которыми сопровождается становление западнистского сверхобщества в экономике, социальной культуре.

Он первым в мировой социологии выявил и описал такой атрибут сверхобщества, как сверхгосударство, показал, что оно неизбежно вырастает из западнистской демократии, отчасти являясь её развитием, а отчасти – её отрицанием. С возникновением глобального сверхобщества, считает А. Зиновьев, произошёл перелом в самом типе эволюционного процесса: целенаправленный, планируемый и управляемый компонент эволюции стал играть определяющую роль в истории человечества. Несмотря на

доминирование западнизма в становлении сверхобщества, Зиновьев не исключает полностью возможности воздействовать на этот процесс, противопоставив ему другой, гуманистический, глобальный проект мирового развития. С этой целью он предлагает приступить к разработке новой некоммунистической идеологии, основы которой излагает в работе «Идеология партии будущего» (2003 г.).

И всё же в целом взгляд Зиновьева на судьбу человечества является, скорее, пессимистическим. Он сформулировал его в своей последней, предсмертной книге «Фактор понимания». Зиновьев синтезировал в ней результаты всех своих исследований во многих областях гуманитарного знания, в том числе и в философии. «Реальное будущее человечества, – пишет неутомимый искатель истины, – я представляю как господство высокотехнических, но примитивных существ, не имеющих ни малейшего понятия даже о том, как фактически устроены и функционируют самые фундаментальные закономерности человеческого сознания»²³. Человечество как целое, продолжает мыслитель, «утратило смысл самого своего социального бытия. Оно убило сам фактор своего понимания... наиболее вероятный конец человечества – воинствующая глупость»²⁴.

Зиновьев противоречив? Несомненно! Как сама жизнь. Быть противоречивым – удел великих, стремящихся докопаться до первооснов человеческого существования, а Зиновьев стремился именно к этому.

Невозможно говорить о творчестве мыслителя, такого невероятного масштаба по силе проявления таланта и яркости звучания, как А. Зиновьев, опустив при этом внутренний, психологический аспект личности.

Думается, что правильнее всего обратиться к самому философу, в творчестве которого много «его самого». В литературных произведениях под тем или иным именем, часто под многими, он выводит свой образ, а также в очень выразительных художественных автопортретах. Иногда об этом он высказывается в интервью, побуждаемый вопросами собеседника. Хочется отметить только некоторые его суждения о самом себе.

Самое броское и часто повторяемое из них: «Я сам есть суверенное государство из одного человека»²⁵. Все видят эпатажную дерзость этого утверждения, но не замечают его полемической заостренности против

²³ «Фактор понимания», М., 2006, с. 518

²⁴ там же, с. 521

²⁵ А.А. Гусейнов Об Александре Зиновьеве и его социологии.

упрощенного толкования суждения, согласно которому нельзя жить в обществе и быть независимым от него. Можно, говорит А.А. Зиновьев. А в своей социологии он даже доказывает, что, только обретя такую независимость, человек становится Человеком. Каждый самостоятельный деятель - мыслитель, философ, ученый, писатель вправе так себя называть. Рассказывают, что В. Маяковский, знакомясь с Михаилом Булгаковым, представился так: «Поговорим как государство с государством».

Зиновьев называет себя человеком из Утопии, имея в виду и советскую реальность с ее жестокостями, и советскую идеологию с ее высокими гуманистическими ценностями. Он умеет их соединить таким образом, что второе не является прикрытием первого.

Еще Зиновьев называл себя искусственным созданием, результатом эксперимента, который он всю жизнь совершает над самим собой. Такой человек, как он, считает мыслитель, не может сложиться естественным образом. Так, в одном из романов («Глобальный человек») он появляется в образе инопланетянина. Чаще всего, прямо и косвенно, через литературные образы А.А. Зиновьев характеризует себя как исследователя. Логик по изначальной профессии, он остается им и по жизни, стараясь руководствоваться принципом «Платон мне – друг, но истина дороже».

Если бы Зиновьев не был столь чуток к нарушениям логических правил, можно бы было сказать, что он верит в истину. Все эти самоаттестации можно было бы считать шуткой, если бы мы не узнали вдруг от него, что он вообще не умеет шутить. Дело в том, что банальность жизни, на которую натываются высокие стремления, что и составляет основу комизма, шутки, он рассматривает как ее самую серьезную и существенную характеристику. В его шутках нет ничего шутливого. Например, все мы думали, а многие до настоящего времени думают, что в «Зияющих высотах» он шутил, высмеивал, сатирически изобличал. А сам Зиновьев считает, что это – самое серьезное, более того – научное, хотя и выполненное в художественной форме, исследование советского общества, где все значимо и символично.

«Ничто не дается людям так тяжело, – размышляет А.А. Гусейнов, – как правда о самих себе». В свое время люди были глубоко потрясены и возмущены открытием Коперника. Они не хотели допустить, что Земля не центр мироздания, а его периферия, всего лишь одна из многих затерявшихся во Вселенной планет. В этом же ряду находится социология Зиновьева,

которая поставила людей перед необходимостью признать еще одну неприятную правду – правду об обществе.

В самом общем виде ее можно сформулировать так: все то, что люди громогласно отвергают как мерзость – эгоизм, ложь, бездушие, подсиживание, карьеризм и т.п., на самом деле является одной из норм их жизни в качестве социальных индивидов, естественным следствием законов социальности. Эту истину, которая полностью переворачивает все привычные представления об обществе и лишает человека последних иллюзий о себе, люди готовы принять еще меньше, чем истины Коперника и Дарвина. Она особенно раздражает своей очевидностью. И потому отрицается с порога. Зиновьев со своей социомеханикой лишает человека последних объективных оснований для самомнения и гордости. Отсюда и отношение к нему. Странников Коперника сжигали. Учение Дарвина запрещали. С Зиновьевым поступали намного хуже - его пытались замалчивать.

10 мая 2006 года А.А. Зиновьева не стало. Он похоронен на Новодевичьем кладбище г. Москвы. До конца отпущенного срока А.А. Зиновьев придавал огромное значение общению с думающей молодежью, старался передать ей свои знания, любовь и беспокойство за судьбу России. Духовное завещание величайшего мыслителя и гражданина пронизано призывом пересмотреть отношение к себе, своей совести, собственной Родине и задуматься о будущем своей страны: «Мы, россияне, должны отбросить всякие иллюзии насчет XXI века. Он будет не веком благополучия, а веком ожесточенной борьбы. Одни будут бороться за выживание, другие за господство над первыми. Одни за национальные интересы России, другие за ее закабаление глобальным западничеством. Рассчитывать, что кто-то нам поможет, кто-то нас спасет, бессмысленно! Все зависит от нас самих! Оттого, сможет ли наш народ выдвинуть достаточное число мужественных, честных и умных людей? Окажется ли властная и интеллектуальная элита на стороне своего народа или нет?»²⁶.

О себе А. Зиновьев говорит: «Я не жертва режима, режим - моя жертва. Ему от меня больше досталось!»²⁷. Это квинтэссенция внутренней сущности великого человека, главным смыслом жизни которого была борьба за истину, за истину во что бы то ни стало. Это Александр Зиновьев – мыслитель,

²⁶ Интервью А.А. Зиновьева, 1978 г.

²⁷ Интервью А.А. Зиновьева, 2006 г.

«самостоятельное государство», воплощение тревожной совести России и чести, носитель «неудобной» правды, верный себе и своей Родине человек. Человек мира. Человек светлейшего ума. Человек эпохи. Личность эпохи Ренессанса.

Об Александре Зиновьеве

*А.А. Гусейнов, академик РАН,
директор Института философии РАН*

Александр Александрович Зиновьев родился в 1922 году в Костромской области в многодетной крестьянской семье. По окончании школы он в 1939 году поступил в московский ИФЛИ (Институт философии, литературы и истории – основной гуманитарный вуз университетского типа в те годы), из которого он был исключен без права поступления в другие вузы страны за выступления против культа Сталина. Вскоре он был арестован, бежал, скрывался от органов госбезопасности. От дальнейших неприятностей его спасла служба в армии, куда он ушел в 1940 году и прослужил до 1946 года. А.А. Зиновьев участвовал в Великой Отечественной войне в качестве боевого летчика и закончил ее в 1945 году в Берлине. 1946-1954 годы он – студент, а затем аспирант философского факультета Московского Государственного университета имени М.В. Ломоносова. Став в 1955 году научным сотрудником Института философии Академии наук СССР, он проработал в нем до 1976 года. Академическая карьера А.А. Зиновьева складывается удачно. Уже его кандидатская диссертация, посвященная логике «Капитала» К. Маркса (1954), получила широкий резонанс. На основании личных воспоминаний могу сказать, что во второй половине пятидесятых годов для нас, студентов философского факультета МГУ имени Ломоносова, имя А.А. Зиновьева наряду с именами Э.В. Ильенкова и некоторыми другими было символом новых идей, борьбы против догматизма. В 1960 году А.А. Зиновьев защитил докторскую диссертацию, вскоре после этого он получил звание профессора и стал заведовать кафедрой логики в МГУ. В рамках философии А.А. Зиновьев занимался самой трудной и строгой ее частью – логикой. Он применяет средства логики к анализу языка науки, разрабатывает собственную логическую теорию. Результаты его логических исследований опубликованы в следующих книгах: «Философские проблемы многозначной логики» (1960); «Логика высказываний и теория вывода» (1962); «Основы научной теории научных знаний» (1967); «Комплексная логика» (1970); «Логика науки» (1972), «Логическая физика» (1972).

Логика – строго профессионализированная область знания, и о ней могут компетентно судить только узкие специалисты. Поскольку я к таковым не принадлежу, то ограничусь констатацией того, что А.А. Зиновьев в логике и методологии науки достиг успехов, высоко оцененных в профессиональной

среде и получивших международное признание. Из шести его монографий тех лет пять тут же (с перерывом в один-два года) были переведены на английский или немецкий, а «Комплексная логика» сразу на оба языка, и изданы на Западе – явление исключительное как в те годы, так и в наши дни. Я лично знаю многих активно работающих, имеющих имя отечественных и зарубежных профессоров в области логики, которые считают себя учениками Зиновьева и гордятся этим.

В 1976 году произошло событие, обозначившее новое направление интеллектуальных усилий А.А. Зиновьева и круто изменившее его жизнь. Он неожиданно для всех выступил с книгой «Зияющие высоты», представлявшей собой выполненное в художественной форме критическое исследование некоторых сторон советского социального строя; все понимали, что за жизнью и нравами вымышленного Ибанска подразумевалось совсем невымышленное общество. Она была опубликована «там», на Западе. Этот факт решающим образом предопределил восприятие книги. На нее стали смотреть сквозь призму эпохального противостояния коммунистической и антикоммунистической идеологий. А.А. Зиновьеву отвели роль антикоммуниста, со всеми вытекающими в те годы последствиями: он был исключен (причем единогласно) из партии, выгнан с работы, выслан из страны, лишен гражданства, всех научных степеней, званий, наград, в том числе военных. Вокруг него была создана атмосфера замалчивания. Все было организовано так, как будто вообще не существовало такого человека. Можно ли было придумать более наглядное доказательство правдивости «Зияющих высот»? И тем не менее есть ли достаточно оснований автора этой книги считать антикоммунистом, имея в виду, что под коммунизмом понимается реально существовавший в Советском Союзе социальный строй? Я думаю, что это так же неверно, как неверно было бы, например, Гоголя как автора «Мертвых душ» считать русофобом. В данном случае, на мой взгляд, более прав близко знавший в те годы А.А. Зиновьева и изображенную им среду социолог Б.А. Грушин, когда он в одной из злых (по отношению к Зиновьеву) газетных публикаций сказал, что действительными борцами с коммунизмом и советской властью были такие люди, как профессор Ю.А. Замошкин и его друзья, а не Зиновьев, который в их кругу был человеком случайным и чужеродным. Именно об этом, по сути дела, и все «Зияющие высоты», где являющаяся предметом сатиры «передовая» интеллигенция Ибанска духовно вся устремлена на Запад и в среде которой

поднимается тост за то, «чтобы Ибанск последовал этому примеру», в то время как противостоящий ей Болтун (одна из многих авторских ипостасей) говорит, что не мыслит себе жизни вне Ибанска. Грех или лавры (кому как нравится) антикоммуниста присуждены А.А. Зиновьеву по ошибке. Справедливость требует признать, что сам он никогда, ни раньше, ни теперь не соглашался и не соглашается с такой оценкой своей личности и позиции. Но тем не менее репрессиям как антикоммуниста и антисоветчика подвергли именно его и, если это случилось за чужие грехи, то их следует признать вдвойне несправедливыми.

С 1978 года начинается эмигрантская жизнь А.А. Зиновьева, которая продлилась 21 год. Все эти годы он жил в Мюнхене, занимаясь научным и литературным трудом. В 1980 году выходит его научный труд «Коммунизм как реальность», излагавший основы разработанной им теории реального коммунизма и охарактеризованный известным социологом и советологом Раймоном Ароном как единственная действительно научная работа о советском обществе. Одновременно с этим появляется огромное количество научных и публицистических статей, докладов, интервью, излагающих, уточняющих и развивающих его теоретические и социальные позиции; они лишь отчасти опубликованы в сборниках «Без иллюзий» (1979); «Мы и Запад» (1981); «Ни свободы, ни равенства, ни братства» (1983). Особо следует отметить его научно-литературные произведения, замечательную серию социологических романов и повестей того периода: «Светлое будущее» (1978); «В преддверии рая» (1979); «Желтый дом» в 2-х томах (1980); «Гомо советикус» (1982); «Пара беллум» (1982); «Нашей юности полет» (1983); «Иди на Голгофу» (1985); «Живи» (1989). В них он продолжает то, что начал в «Зияющих высотах», – в свойственной ему художественно-сатирической манере исследует советский социальный и человеческий опыт.

А.А. Зиновьев своим творчеством создал новый жанр социологического романа (социологической повести), в котором научно-социологические результаты излагаются в художественной форме. Понятия, утверждения, отчасти даже методы социологии используются как средства художественной литературы, а последние, в свою очередь, применяются как средства науки. Следует заметить, что глубокие писатели всегда тяготели к серьезной социальной теории. И тогда, когда ее не находили в готовом виде, они пытались сами восполнить этот пробел, чтобы создать полноценные произведения. Типичные примеры этого: философско-историческая

концепция Л.Н. Толстого в IV томе «Войны и мира», концепция свободы («Легенда о великом инквизиторе») в «Братьях Карамазовых» Ф.М. Достоевского, эссе о творчестве Н.Г. Чернышевского в «Даре» В.Д. Набокова. Во всех этих случаях теоретические части искусственно вкраплены, по сути дела, просто приложены к художественным текстам и могут быть изъяты без особого ущерба для последних. А.А. Зиновьев органически соединяет одно с другим, его социологические романы принадлежат одновременно и к области науки, и к области художественной литературы. В результате этого ему удается, с одной стороны, интегрировать в социологическую теорию человеческий, индивидуально–личностный аспект жизнедеятельности, а с другой – изобразить индивидуальные человеческие типы, отношения между ними с учетом их глубокой социальной обусловленности. Социологический роман – знаменательное явление культуры, требующее специального изучения.

После 1985 года начинается новый период в творчестве А.А. Зиновьева. На горбачевскую перестройку он откликнулся тем, что расширил исследовательскую тематику, обратившись к изучению современного Запада, и одновременно с этим изменил акценты и тональность в описании и оценке советского коммунизма. Свой талант социального сатирика он теперь направил в сторону Запада, а при анализе советского опыта в его трудах стало доминировать заинтересованное понимание. Все началось с того, что А.А. Зиновьев с самого начала обозначил свое резко отрицательное отношение к перестройке, которую он тут же окрестил **катастрофой**. Следует обратить внимание: он сделал это тогда, когда и в Советском Союзе, и во всем мире перестройка воспринималась как эпоха гуманистического обновления социализма, когда многие ученые, писатели, философы, деятели культуры, журналисты, прочие известные люди через бесчисленные средства массовой информации в состоянии всеобщей эйфории приветствовали перестройку, когда миллионы людей пришли в состояние радостного возбуждения – ходили на митинги, спорили, строили планы, лихорадочно что-то делали. Чтобы пойти против такого потока, недостаточно одного мужества. Надо еще иметь знание истины. И, как показал опыт, к сожалению, подтвердивший все печальные прогнозы Зиновьева, он имел такое знание. Его позиция, если ее выразить предельно кратко, состояла в следующем. Кризис, в котором оказался к середине восьмидесятых годов Советский Союз, есть специфический кризис коммунистической системы, кризис управления.

Он требует своих особых средств разрешения. Рыночная реформа и либерализация для этих целей не подходят, они являются сугубо западными методами и могут привести лишь к краху советского социального строя, а вместе с ним и к краху страны. Чтобы обосновать эту свою позицию, он, с одной стороны, провел исследование эволюции социальной системы современного Запада. Его результаты опубликованы в изданных теперь уже в Москве работах «Запад» (1995) и «Глобальный человек» (1997). Первая из них написана в форме научного эссе, а вторая представляет собой социологический роман и удачно автором предисловия и редактором Л.И. Грековым была названа «зияющими высотами» капитализма (западнизма). И для существа дела, и для биографии А.А. Зиновьева показательно, что его работы, критически анализирующие советский коммунизм, впервые появились на Западе, а работы, посвященные исследованию Запада, – в России. С другой стороны, А.А. Зиновьев стал показывать скрытые угрозы и неадекватность методов перестройки, выявляя одновременно с этим огромный для истории России, по его мнению ничем не заменимый потенциал коммунистической системы. Об этом – его многочисленные работы этих лет: «Горбачевизм» (1988), «Катастрожка» (1988), «Смута» (1994), «Русский эксперимент» (1994). А.А. Зиновьев свою позицию также активно заявлял в многочисленных научных и публицистических статьях, интервью, выступлениях на радио и телевидении, которые лишь отчасти собраны в сборнике «Посткоммунистическая Россия» (М., 1996).

Перестройка, как бы ее ни ругал А.А. Зиновьев, имела, по крайней мере, одну положительную сторону, которую не может отрицать даже он. Она дала возможность ему вернуться на родину, в Россию, хотя, правда, уже и в другую Россию, чем та, которую он покинул. Если выдворение А.А. Зиновьева из страны государство взяло целиком на себя, то его возвращение оно интерпретировало как его личное дело, ограничившись официальным актом восстановления в гражданстве (1990). Как показывает опыт, А. Зиновьев – человек, который умеет писать книги, но не умеет устраиваться в жизни. И ему понадобилось много лет, чтобы создать практические предпосылки для возвращения. В июне 1999 года А.А. Зиновьев вернулся на постоянное жительство в Россию, в Москву. Начинается новый этап его жизни и творчества.

Такова биография А.А. Зиновьева в ее самом общем, событийном аспекте (хочу обратить внимание, что речь идет именно об общих контурах его биографии, так как многие факты, аспекты жизни, труды остались за скобкой, плохо изучены, и об общих контурах его деятельности как ученого и отчасти писателя, в своих заметках я не касаюсь его поэзии, драматургии, изобразительного искусства). Что касается ее внутреннего, психологического, личностного аспекта, то он отражен в литературных произведениях автора, в которых под тем или иным именем, часто под многими, он выводит самого себя, а также в очень выразительных художественных автопортретах. Иногда об этом он высказывается в интервью, побуждаемый вопросами собеседника. Отмечу только некоторые его суждения о самом себе.

Самое броское и часто повторяемое из них: «Я сам есть суверенное государство из одного человека». Все видят эпатажную дерзость этого утверждения, но не замечают его полемической заостренности против упрощенного толкования суждения, согласно которому нельзя жить в обществе и быть независимым от него. Можно, говорит А.А. Зиновьев. А в своей социологии он даже доказывает, что только обретая такую независимость человек становится Человеком. Речь идет не о независимости пренебрегающего общественными условностями циника, или все себе подчиняющего хозяина жизни, или спрятавшегося в свой уютный изолированный мирок мещанина, или увлеченного собиранием бабочек чудика и т.п. Его независимость есть независимость бунтаря, который не хочет признавать над собой ничьей власти и меньше всего власть общественного мнения, и независимость идеалиста, который заново, по своим образцам перепроектировал мир и живет по его канонам, по которым, собственно, никто другой и не может жить, так как это – его мир, его выдумка; поэтому, между прочим, утверждение А.А. Зиновьева можно обернуть и сказать, что в его государстве есть только один гражданин – он сам.

Зиновьев называет себя человеком из Утопии, имея в виду и советскую реальность с ее жестокостями, и советскую идеологию с ее высокими гуманистическими ценностями. Он умеет их соединить таким образом, что второе не является лицемерным прикрытием первого. Зиновьев лучше, чем кто-либо другой, понимает, что утопия коммунистической идеологии имела мало общего с реализовавшейся утопией советской действительности. Но если общество нельзя переделать в духе утопии, то это вовсе не означает, что и отдельный индивид не может сделать этого в отношении своей жизни.

Еще Зиновьев называет себя искусственным созданием, результатом эксперимента, который он всю жизнь совершает над самим собой. Такой человек, как он, считает Зиновьев, не может сложиться естественным образом. А в одном из романов («Глобальном человеичике») он появляется в образе инопланетянина. В «Зияющих высотах» он, помимо Болтуна, является еще Крикуном, Шизофреником, Неврастеником, Уклонистом, Учителем. Зиновьев – парадоксалист и большой острослов. Все эти самоаттестации можно было бы считать шуткой, если бы мы не узнали вдруг от него (в «Русском эксперименте»), что он вообще не умеет шутить. И я ему склонен верить. Дело в том, что банальность жизни, на которую натываются высокие стремления, что и составляет основу комикса, шутки, он рассматривает как ее самую серьезную и существенную характеристику. Он не умеет шутить в том смысле, что для него нет ничего более серьезного, чем шутка. В его шутках нет ничего шутливого. Например, все мы думали, а многие до настоящего времени думают, что в «Зияющих высотах» он шутил, высмеивал, сатирически изобличал. А сам Зиновьев считает, что это – самое серьезное, более того – научное, хотя и выполненное в художественной форме, исследование советского общества. Здесь, может быть, уместна аналогия с С. Паркинсоном, «Законы Паркинсона» которого почему-то все воспринимают как английский юмор, а не точный и глубокий анализ бюрократического механизма.

Чаще всего, и прямо и косвенно, через литературные образы, А.А. Зиновьев характеризует себя как исследователя. Логик по изначальной профессии, он остается им и по жизни, стараясь руководствоваться аристотелевским принципом «Платон мне друг, но истина дороже». Если бы Зиновьев не был столь чуток к нарушениям логических правил, я бы сказал, что он верит в истину.

Памяти великого россиянина Александра Зиновьева

*Марк Зальцберг,
доктор физических наук, Хьюстон, США*

10 мая 2006 года в Москве скончался выдающийся философ, социолог и писатель Александр Зиновьев. Ему было 83 года. Александр Зиновьев явление уникальное не только в российской культуре, науке и истории. Им созданы новые направления в логике, философии, литературе, социологии и даже в живописи. Более 30 написанных им книг переведены на 26 языков. Их изучал и будет изучать весь мир. Он лауреат самых престижных литературных премий, включая Европейскую премию за лучшее эссе (1978 год), премию Медичи за лучший зарубежный роман (1979), Европейскую премию за лучший научно-фантастический роман (1980), международную премию Токвиля за социологические исследования (1982) и множества других. Зиновьев является членом нескольких Европейских Академий и почетным гражданином Франции, Италии и Германии. Зиновьев как художник выставлял свои работы в престижных галереях нескольких европейских стран, включая Италию, Францию, Германию и Швейцарию. Профессор Московского Университета, бывший боевой летчик – участник второй мировой войны был выслан вместе с семьей из СССР в 1978 году за всемирно известную книгу «Зияющие высоты». Жил и работал в Мюнхене до 1999 года, когда был приглашен Российским правительством вернуться на Родину с возвращением ему всех военных наград, звания профессора и доктора наук. С тех пор, до своей недолгой болезни, он работал в Московском Университете.

Я не только тщательно изучил все им написанное, но имел честь называться его «другом и учеником в социальном мышлении» (это из надписи на одной из подаренных мне Зиновьевым книг), поэтому то, что я пишу, может показаться кое-кому пристрастным, и это будет правильно, но зная Зиновьева и его семью в течение почти 30 лет, я надеюсь, мне удастся познакомить аудиторию с истинным Зиновьевым, не только великим мыслителем, но и человеком.

Многие считают его работы трудными для понимания, иные просто не хотят читать их после нескольких первых страниц, но те, кто не побоялся серьезной работы, навсегда остаются его почитателями и считают себя его учениками. Чтение – дело серьезное. Изучение великого автора – будь то

Пушкин, Толстой, а тем более Зиновьев – требует умственного и эмоционального напряжения. Скользя по строкам, не поймешь и не прочувствуешь ни замысла, ни красоты даже чисто литературного произведения. Что уж говорить о произведениях Зиновьева, которые он сам называет социологическими романами. Эти произведения гораздо сложнее того, что мы зовем художественной литературой, но какое счастье, вникнув в его работы, почувствовать в себе то, что Зиновьев называл «правильным разворотом мозгов».

Зиновьев учит нас научному мышлению – привилегии очень немногих людей, и для этого вовсе не обязательно быть ученым. Мало того, многие ученые умеют научно мыслить только в своей области, оставаясь обывателями, как только речь идет о политических или социальных проблемах. Прежде всего научное мышление исключает такие термины как «нравится» или «не нравится». И если в естествознании это ни у кого удивления не вызывает (ну как может нравиться или не нравиться свойство урана ²³⁵ расщепляться с выделением энергии и радиации?), то в гуманитарных науках такая беспристрастность вызывает протест не только у обывателей. В частности, упомянутое свойство урана признается вредным, а открыватели этого свойства признаются опасными людьми. Второе, но не последнее отличие научного мышления – это абсолютно нейтральное отношение к автору и сосредоточение внимания на корректности его выводов без какой бы то ни было связи с применением и толкованием оных, а также с личностью автора. Я не раз слышал от своих собеседников: «Ты прав, но так говорить нельзя». При этом следовало напоминание, что так высказывался Сталин или еще кто-нибудь подобный. Человек, научно мыслящий, не интересуется моральным обликом говорившего или писавшего. Он интересуется – правда ли то, что сказано. А дураком Сталин конечно же не был.

Короче говоря, большинство из нас мыслит идеологически. Всякое явление жизни мы норовим снабдить ярлыком «хорошо» или «плохо», подразумевая при этом, что всем хорошо известно, что это такое. А ведь речь идет не о сказочке Маяковского для дошкольников! Идеологическое мышление мешает множеству умных людей правильно оценить вклад Зиновьева в науку и литературу. Кроме того, наша привычка причислить заметного автора, а тем более ученого, к какому-нибудь лагерю мешает не только пониманию его деятельности, но полностью препятствует даже

желанию читать его, если он «не наш». Зиновьев был «наш» и даже очень «наш», когда нам казалось, что он вразнос критикует коммунизм, и он стал «не наш», когда постепенно стало выясняться, что он коммунизм не критикует, а изучает. Все тут же решили, что он коммунизм хвалит, тогда как он просто анатомировал его. И мало кому ясно, что коммунизм, как и любое другое явление природы, ни от похвалы, ни от хулы понятнее не станет и, что его нужно просто изучать, пользуясь соответствующими приемами науки, а не идеологии. Эти приемы, эту методологию изучения человеческих сообществ и создал Зиновьев. Ведь прежде всего он был гениальным ученым. Но вместо того, чтобы благодарить его за помощь в преодолении невежества, большинство стало называть его последовательно сначала антисоветчиком, диссидентом, антикоммунистом, а далее – русофобом, недобрым коммунистом и каким-то коммунякой. Все эти эпитеты из русской эмигрантской и российской прессы. И этот абсурд об одном и том же человеке. Понятно, что большинство его критиков не читало его работ, а если читало, то ничего не поняло.

В середине 70-х годов Зиновьев, логик и доктор философских наук, профессор Московского Университета и старший научный сотрудник Института философии АН СССР, международно признанный классик в области логики, начал работу над своей самой известной книгой «Сияющие высоты». Следует пояснить для тех, кто не знает уже коммунистической терминологии, что в этом названии содержится тонкая издевка над расхожим лозунгом тех лет о «Сияющих вершинах коммунизма», до которого рукой подать, ну как до прекрасных, сияющих горных снеговых вершин, уже видимых путнику. Этот социологический роман раскрывал перед внимательным читателем не столько пресловутые «ужасы коммунизма», сколько закономерности их возникновения в обществе, поставившем себе задачу его построить.

Ошеломительный успех этой книги, переведенной и изданной почти во всех культурных странах, обеспечил Зиновьеву славу диссидента, которым он не был и антикоммуниста, которым он тоже не был. Ему было обеспечено также немедленное изгнание с работы, лишение ученых степеней, званий и боевых орденов и высылку с Родины, чему он долго сопротивлялся. Что же содержала эта книга для внимательного и не очень внимательного читателя? Внимательный читатель видел, что в СССР построен истинный коммунизм, что другого нет и быть не может, что в любом обществе, вставшем на путь

построения коммунизма, будет примерно то же самое, ибо есть к тому законы природы, законы социологии, а не злая воля отдельных вождей. Кое-кому это очень не понравилось, а прежде всего властям, ибо эта книга была для них гораздо страшнее книг Солженицына.

Доказательство того, что ужасы коммунизма есть закономерность, было властям гораздо опаснее, чем простое перечисление коммунистических нелепостей, жестокостей и недостатков. Не очень внимательный читатель увидел в книге простое издевательство над ненавистным режимом, а автора – очередным, правда, очень талантливым критиком коммунизма. Книга к тому же была просто литературным шедевром в новом, порожденном Зиновьевым жанре и очень местами смешная. И это видели все. Так Зиновьев стал антикоммунистом и диссидентом. А ведь прежде всего это была научная работа, облеченная в форму романа. Это было первое научное исследование реального коммунизма.

Однако последующие работы Зиновьева вызвали бурный протест большинства русских читателей. Строго доказанные автором положения о том, что коммунизм был результатом воплощения в жизнь самых светлых идеалов человечества, что сталинизм был высшей формой народовластия, что не будь сталинской сверхвласти, миллионы шакалов, устремившихся в большевистское правительство, разграбили бы и развалили страну мгновенно, – были восприняты большинством читателей как прославление сталинизма. (Книга «Нашей юности полет»). Еще большее непонимание выпало на долю книги «Гомо советикус». В ней Зиновьев утверждал, что коммунизм вывел породу адекватного ему человека или скорее коммунизм был адекватен существовавшему еще до революции человеческому материалу. Тут-то Зиновьева и стали называть коммунистом и русофобом. Как можно быть русофобом, сыну и потомку поколений русских крестьян, никто объяснять не брался. Русофоб и все! Уж очень неприятно было не только признать, а даже читать, что коммунизм и был только возможен с наличествующим человеческим материалом. А ведь еще чуткий Солженицын заметил: «не на парашютах же нам забросили это волчье племя». Да и трудно представить себе правительство, поставившее себе конечной целью выморить полстраны, и еще труднее себе представить миллионы людей, которые выполняют эту бредовую задачу, не руководствуясь какими-то высшими, как им казалось, целями.

Зиновьев во всех своих книгах, написанных до перестройки, показал, что все злодейство коммунизма (Содом и Навуходоносор, как назвал его в книге «Маска и душа» Шалапин) явилось результатом охватившего всю страну энтузиазма построения «самого справедливого общества на Земле». Идеологически мыслящий человек не может допустить, что хорошие намерения могут привести к ужасным последствиям при их реализации, так же как и того, что ужасные на вид мероприятия могут служить во благо большинства. Все читатели растерялись. Все привыкли к черно-белой окраске политической терминологии. Всем ясно, что в коммунизме все плохо, что СССР – тюрьма народов, и никоим образом коммунизм не мог быть соблазном для миллионов, раз он так ужасен. Все как-то забыли, что ужасы проявились по-настоящему только тогда, когда коммунизм начал реализовываться на практике.

Но вот началась перестройка. И с таким же энтузиазмом, как в 1917 году, вся страна кинулась снова разрушать свой социальный, экономический и политический фундамент. Снова благие намерения с ужасными результатами. Книги Зиновьева «Горбачевизм», «Катастрожка» и «Русский эксперимент» вызвали уже не растерянность, а, мягко говоря, неприязнь. Он предупреждал о последствиях, он писал о том, что нельзя так круто и бессмысленно менять самые основы жизни гигантской страны. Он в каждой новой своей работе предупреждал о катастрофических последствиях перестройки, что коммунизм, уже существующий, более адекватен человеческому материалу страны, чем то, что придет ему на смену. Что, конечно, надо менять жизнь, но не путем очередного разрушения самых основ ее, а в рамках существующей системы. Так Зиновьев стал коммунакой (на слэнге перестройщиков).

Мы стали умнее, мы видим, что перестройка, выражаясь тем же слэнгом, привела к беспределу. Чтение российских газет, разговоры и переписка с российскими друзьями, мой недавний визит в Россию приводят к мысли, что все предсказания Зиновьева сбылись. Наука разрушена, образование деградирует, 90% населения едва существуют, смертность превышает рождаемость, города разваливаются, а вся Москва усеяна казино и пунктами по отмывке валюты. Последняя работа Зиновьева «Исповедь отщепенца» является скорбной исповедью патриота, на глазах у которого разрушается его любимая Россия. С болью говорил он мне при нашей последней встрече в Москве в 2004 году, что у страны нет будущего, что если

бы он знал, что и его работы будут способствовать разрушению основ существования этого государства, то не писал бы он их вовсе. Я возражал ему, что его работы учили нас думать, а не разрушать страну, учили нас социологическому мышлению, что без них многие из нас так бы и блуждали во тьме. За три недели до его кончины в телефонном разговоре Зиновьев снова горестно размышлял о будущем своей Родины, и мне нечем было его утешить.

Надо справедливо отметить, что пресса и телевидение России уделяли Зиновьеву достаточное внимание с момента его возвращения в Москву. А вот понимания обеспечить ему и пресса не смогла. Этот человек не вписывался ни в какие рамки. Он был отдельным, независимым государством, честным и мужественным исследователем, работавшим в науке очень сложной для понимания без систематической работы над его произведениями. А ведь кроме книг по коммунизму он написал несколько книг-пророчеств о будущем планеты и западных демократий.

Великий русский ушел из жизни как и многие его предшественники – непонятым, оболганным и страдающим. Я посвящаю это выступление памяти моего незабвенного учителя и друга. К сожалению, рамки доклада на первых международных «Зиновьевских чтениях» не позволяют говорить долго. Эта работа мне еще предстоит.

Александр Зиновьев ушел из жизни как и подобает воину, честно сражаясь до конца. Моя семья скорбит о нем вместе с его женой и верной помощницей Ольгой и двумя его дочерьми Полиной и Ксенией.

Александр Зиновьев, русская история и современное общество

Фурсов А.И.,
*заведующий отделом Азии и Африки ИНИОН РАН,
директор Центра русских исследований Института
фундаментальных и прикладных исследований
Московского гуманитарного университета,
кандидат исторических наук*

На мой взгляд, есть удивительная корреляция между тем экспериментом, который называется «Александр Александрович Зиновьев», и русской, советской историей. Русская история – это эксперимент построения общества в районе 45 параллели. Часто говорят, что канадцы тоже живут в таких условиях. Но дело в том, что за 45 параллелью в Канаде строят города с названиями вроде Ураниум-сити, Платинум-сити, и работают там вахтовым методом. У нас это наша жизнь.

Второй аспект экспериментальности нашего общества – это уже советский аспект. Это попытка создать общество, которое должно быть, во-первых, системным антикапитализмом, во-вторых, антисистемой внутри мировой системы. Только так можно было вытащить Россию из той ловушки, в которой она оказалась между Крымской и Первой мировой войной благодаря реализации финансово-сырьевой стратегии, которую условно можно назвать стратегией Александра II и которая у нас восторжествовала с конца 80-х годов.

Если говорить об эксперименте под названием «Зиновьев», то, прежде всего, я хотел бы выделить одну такую вещь. Поскольку одна из констант, главная константа русской истории – это власть, то очень многие серьезные вещи, которые реализуются в России, реализуются через противостояние власти. Это не самоцель, это просто объективно так. Преодоление этой константы – это путь к самореализации. Причем это было так во всех структурах русской истории. Этим структурам было три: московское самодержавие, петербургское самодержавие и коммунистический порядок.

Очень интересная регулярность, как бы сказал экономист Кондратьев: в конце каждой из этих структур, когда накапливались очень серьезные противоречия, в обществе возникал индивид или личность, который воплощал в себе эти противоречия. Это вообще одна из характерных черт русской истории и русского общества: поскольку у нас социальные группы и классы

очень плохо формируются, то очень многие социальные противоречия реализуются как личностные противоречия неких людей с властью.

В конце московского самодержавия индивидуумом, воплощавшим в себе противоречия эпохи, был Аввакум, в конце петербургского самодержавия – Лев Толстой, а в конце советского периода это были два человека: Солженицын и Зиновьев. Однако если Солженицын вел свою игру, – я подчеркиваю слово «игру», – с советской системой, активно опираясь на Запад, на некое общественное движение, то Зиновьев, во-первых, не играл, а жил и двигался в своем направлении, что его выталкивало в противостояние, а, во-вторых, в этом противостоянии Зиновьеву не на кого было опереться кроме самого себя. Это было в чистом виде противостояние индивида и системы.

В этом плане ниша Зиновьева вроде бы близка к нише Льва Толстого. Но все же я хотел бы сблизить Зиновьева с Аввакумом. Оба абсолютно бескомпромиссные люди. У обоих очень жесткое противостояние с властью. В этом плане можно сказать, что Зиновьев венчает, доводит до логического конца линию противостояния индивида системе власти. Причем это противостояние приобретает очень интересный характер: индивид противостоит власти, как мини-система большой системе.

Что сближает, на мой взгляд, Аввакума и Зиновьева? Как я уже сказал, бескомпромиссность, каждый «гол как сокол»: ни поместья, ни счетов в банках, ни одному из них Запад не помог бы, не заступился, потому что во времена Аввакума такого Запада не было, а что касается Зиновьева, то к выходу «Зияющих высот» он не был хорошо известен на Западе, не был участником «холодной войны», которого Запад готов был бы защищать. Обоим – Аввакуму раньше, Зиновьеву позже – пришлось стать свидетелями крушения тех социально-духовных миропорядков, с которыми они себя соотносили. Правда, Аввакуму пришлось испытать приход его антихриста один раз, а Зиновьеву дважды. Зиновьев сначала считал трагически-неизбежным захват всего мира коммунизмом и наступление коммунистического царства, по поводу чего он написал такие стихи: «Я даже рад, что скоро сдохну, не встречу наяву с мечтой». А затем, уже в 1990 году, когда крушение коммунистической мечты обернулось крушением России, Зиновьев сказал знаменитую фразу: «Метили в коммунизм, а попали в Россию». Это было уже второе крушение, которое пережил Зиновьев.

Это положение Зиновьева об отрицании советской системы как попытке ее понять, об отрицании в смысле снятия в некой схеме – оно очень интересно и важно. В известном смысле Зиновьев – это Аввакум поздней коммунистической эпохи, сменившей религиозную подоплеку противостояния власти на научно-философскую. Это линия Аввакума, доведенная до логического конца и обогащенная достижениями XX века, как научными, так и психологическими.

Наконец, еще одно сближает Аввакума и Зиновьева. Оба знали свой народ, оба любили его. Но в то же время оба знали ему цену и не имели на сей счет никаких иллюзий.

За последние 15-20 лет о русском народе сказано очень много неприятных вещей. Привычно слышать это от реформаторов, от неолибералов, перестроечной шпаны и прочих. Но, пожалуй, самые жесткие характеристики, самые серьезные обвинения в адрес русского народа мне пришлось читать именно в работах Зиновьева и слышать от него во второй половине 90-х годов. Зиновьева нередко упрекали, что он не любит свой народ. Это ошибка. Начать с того, что Зиновьев – сам часть народа. Это внутренняя проблема – проблема отношений внутри самого народа.

Кроме того, у Зиновьева есть своя правда в этом отношении. Русское слово «правда», как и вообще русский язык и русская жизнь, – слово очень хитрое и самому себе не тождественное. Это не просто истина в смысле *veritas*, это некое иное качество, где истина сопрягается со справедливостью. Так вот, в основе позиции и поступков Зиновьева лежит правда – правда народа. Зиновьев – это мера отношения русского народа к самому себе, мера очень критического отношения.

Эта правда обусловлена целым рядом вещей. Если взять советское общество, то Зиновьев принадлежит к поколению победителей. Это те мужики, тогда молодые мужики, которые прошли войну, которые сломали хребет гитлеровской машине, которые вернулись, и вернулись без страха, в собственную страну. Их было немало – победителей, прошедших Европу, уверенных в себе, в своей правде, которые за время войны привыкли к самостоятельным решениям, иначе войну бы не выиграли. Одна из главных социальных проблем послевоенного периода – это несоответствие плеяды победителей, прошедших войну, той ситуации, которая была в стране. В этом плане, когда этих людей начали изымать из социального оборота в конце 40-х годов, было очень существенное отличие от того, что происходило в 30-е

годы: тогда люди не понимали, за что их сажают, они были жертвами. Эти же люди прекрасно понимали или, по крайней мере, осознавали некоторое свое несоответствие существующим порядкам.

Зиновьев относится к тому поколению, которое сделало возможным будущую десталинизацию и демократизацию общества. Но номенклатура эту демократизацию превратила в либерализацию для себя, по сути дела, украла. Но, тем не менее, десталинизация общества, т. е. создание иной, постсталинской, структуры советского общества – это в значительной степени заслуга вот этого послевоенного поколения. Именно на этом фундаменте потом плясали шестидесятники, делались крикливые заявления. А вот эти мужики, которые прошли войну, были очень суровыми по жизни, очень спокойными. Они не апеллировали к Западу. Я хочу подчеркнуть, это поколение не было антисоветским. Это было первое антисталинское по сути поколение. Это было поколение второй ступени развития советского общества, шедшее на смену поколению первой, которое становилось уже архаическим.

Есть еще один очень важный момент, который мне хотелось бы отметить в плане того, какое место занимает Зиновьев в советском обществе. В 70-80-е годы оппозиционное движение выдвинуло несколько проектов общественного развития. В центре внимания оказались два из них: Сахарова – либеральный и Солженицына – почвеннический. Их и противопоставляли друг другу. Именно по их поводу спорила наша либеральная и диссидентствующая интеллигенция.

Но был третий проект. Причем различия между ним и вышеназванными были намного глубже, чем противоречия между Сахаровым и Солженицыным. Речь идет о проекте Зиновьева. И дело не в том, что Зиновьев не призывал к общественному перевороту, т. е. к слому системы. Это был принципиально другой подход. Исходя из того, что хороших систем нет, что везде есть верхи и низы, Зиновьев стремился сформулировать принципы жизни индивидов применительно к конкретным, данным нам в ощущениях системам – принципы социального, а не только интеллектуального ухода в себя, причем ухода очень активного.

Хотя с точки зрения стратегии жизни при коммунистическом порядке программа Зиновьева исключительно важна, я хочу обратить внимание на другое. Желали они того или нет, но Сахаров и Солженицын объективно рассуждали с точки зрения новых, в советское время еще не

сформировавшихся или только начинавших формироваться господствующих групп. Адресат программ Солженицына и Сахарова – это элитарии, это верхние слои. Я не говорю о том, что Сахаров и Солженицын сознательно работали на хозяев посткоммунистической жизни. Они никогда этого не делали. Они размышляли совершенно по-другому. Однако они стремились продумать и предложить такую модель общественного устройства, которая в идеале устраняла и снимала бы противоречия коммунистического строя. Посткоммунистический ельцинский режим снял эти противоречия реально. То, что получилось, отчасти далеко и от замыслов и Сахарова, и Солженицына, а отчасти осуществило и тот, и другой проекты. Но гильотина тоже была далека от замыслов Вольтера и Руссо.

Альтернативные, но в рамках одного качества проекты Солженицына и особенно Сахарова, сами их позиции, взгляды получили наибольшее распространение среди той части советской интеллигенции, которая, по выражению Николая Климановича, стала интеллектуальной «пятой колонной» околопартийного истеблишмента, инициировавшей и осуществившей перестройку. В планах как Солженицына, так и Сахарова этой квазиэлитарной группе предназначалась существенная роль, а, следовательно, и привилегированные позиции после смены строя. Отсюда отношение к этим двум людям со стороны представителей вот этой группы. Ее наиболее шустрая и не обремененная комплексами часть в постсоветское время превратилась в то, что называется у культур буржуазией.

Позиция Зиновьева смены строя не предполагала и не адресовалась к квазиэлитариям, а поэтому была не интересна этой социальной группе. Проект Зиновьева был лично-ориентирован. Он не предполагал занятия социально значимых позиций. Он предполагал жизнь по принципу: я – государство в одном лице. Вот таким подходом Зиновьев делал сразу два радикальных и парадоксальных шага. Во-первых, он, если и не выходил полностью за рамки традиции просвещения, ориентированного на социальное переустройство, то подходил к самому краю. А, во-вторых, что еще более интересно, в своем упоре на внутреннюю работу атеист Зиновьев очень близко подошел к стратегиям личного самоусовершенствования и спасения.

Целый ряд ученых из США, Индии, арабских стран попытался взглянуть на исторический процесс не с позиций и, следовательно, не в интересах элит, не с точки зрения революционеров как будущих господствующих групп, а с точки зрения угнетенных, будь то крестьяне, черные рабы американского Юга

или представители низших индийских каст. Парадоксальным образом Зиновьев с его научной, социальной и, прежде всего, жизненной позицией, обусловленной советским строем, совпал с очень важным политически-острым направлением мировой социальной мысли. Я не хочу сказать, что взгляд на историю с позиции угнетенных – полноценная альтернатива взгляду с позиции господствующих групп. Это две крайние точки. И точки односторонние. В этом плане мы оказываемся перед той же проблемой, которую когда-то сформулировал Карл Мангейм: можно ли создать знание, которое будет отражать не интересы и точку зрения господствующих групп, не интересы и точку зрения угнетенных групп, а объективно общество в целом. Я думаю, что Зиновьев очень сильно продвинулся в решении задачи вот этого целостного подхода к социальной реальности.

Еще очень важная, на мой взгляд, составляющая творчества Зиновьева заключается в том, что он выступает как последовательный критик любой системы социального неравенства, в том числе и неравенства, сложившегося в советской системе. На Западе он критик неравенства капиталистического. В этом плане он очень соответствует глубинному течению русской истории. Дело в том, что Россия – страна принципиально не классовая, или антиклассовая. В России всегда был очень маленький избыточный продукт, поэтому, чтобы в России сформировались западноидные формы господствующих групп типа феодалов или буржуазии, здесь нужно, чтобы господствующие группы начали отбирать у населения, выражаясь марксистским языком, не только прибавочный продукт, но и необходимый продукт. Поэтому русская власть всегда в качестве одной из своих задач решала очень важную вещь: она постоянно укорачивала, ограничивала аппетиты господствующих групп, ограничивала эксплуатацию ими низов. Не потому, что она эти низы любила – плевать ей было на эти низы, и низы ей отвечали тем же, – но у низов и у центральной власти была одна сверхзадача: не допустить сверхэксплуатацию низов господствующими группами. Это было плохо и для низов, и для верхушки. Русская власть только дважды отступила от этого своего фундаментального правила: с 1860-х годов по 1917 г., получив Октябрьскую революцию, а второй раз с конца 80-х годов двумя законами: законом об индивидуальной трудовой деятельности и законом о предпринимательстве. Мы сейчас живем в период этого второго исключения из фундаментального правила русской власти.

Зиновьев, анализируя коммунистическое общество, а в варианте коммунистического общества он видел одну из изоморф русского общества, попытался найти адекватный понятийный аппарат для анализа этого общества. Дело в том, – так сложилось по разным причинам, – что и в XIX, и в XX веках мы имели две версии, две интерпретации русской истории: либеральную и марксистскую. И та, и другая толковали русскую историю на западный лад. Очень хорошо об этом написал Максимилиан Волошин в самом начале XX века в одном стихотворении:

Но жизнь и русская судьба
Смешали клички, стерли грани.
Наш пролетарий – голытьба,
А наши буржуа – мещане.
Мы все же грезим русский сон
Под нам чуждыми именами.

Одна из заслуг А.А. Зиновьева состоит в том, что он попытался разработать для анализа коммунистического общества адекватный понятийный аппарат, чтобы не «грезить» его под «чуждыми именами» всякой глупости вроде «тоталитаризма», «авторитаризма» и прочего. В этом плане, конечно, удивительно, что власть говорила примерно то же самое – вспомните знаменитую фразу Андропова. Это 1983 год. Она дословно звучит так: «Если говорить откровенно, мы еще до сих пор не изучили в должной мере общество, в котором живем и трудимся».

Зиновьев занимался как раз этим. Но именно это власть не услышала и не захотела услышать, потому что это было для нее значительно более опасно, чем движение диссидентов. Диссиденты говорят: это не правильно, то не правильно. Власть может говорить: мы будем работать, мы будем исправлять. Зиновьев говорит: то, что диссиденты считают не правильным – это и есть норма этого общества. Естественно, в краткосрочной перспективе это для власти значительно страшнее, чем мнение диссидентов. В среднесрочной перспективе власть должна была использовать учение Зиновьева как организационное интеллектуальное оружие. Воспользовались другие.

Это тоже одна из традиций русской истории: мы плохо знаем самих себя. Призыв Пушкина создать особую формулу для понимания русской

истории до сих пор не услышан. Зиновьев был одним из тех, кто работал в этом направлении.

В завершение я хотел бы сказать, что А.А. Зиновьев был первопроходцем создания теоретической схемы, которая должна была анализировать русскую историю, начиная с коммунистической. Но, естественно, этот метод работает и для других периодов. В известном смысле, особенно, если абстрагироваться от второстепенных деталей, система Зиновьева представляет собой грандиозную попытку теоретической и ценностной рационализации, хотя и в виде жестокой критики, коммунистической фазы русской истории. Коммунистическая фаза русской истории, действительно, была высшей, экспериментально наиболее чистой фазой русской истории. Я глубоко убежден, что советское общество – это ключ ко всей русской истории. Это не телеологический подход, просто в советском обществе, при коммунистическом порядке в чистом виде проявилась особенность русской истории. Коммунизм – это русская власть, очищенная от собственности. В этом плане коммунизм, как система, дает ключ к пониманию предшествующей истории и будущего, поскольку мы до сих пор живем в процессе разложения коммунистического общества. То общество, которое существует у нас, которое кто-то из наших журналистов метко окрестил обществом «либерпанка» или обществом «либерастии», являет собой процесс разложения коммунистического общества. В этом плане изучение коммунистического общества – одна из центральных задач русской истории. Вклад в это дело Александра Александровича совершенно трудно переоценить. Он первопроходец, он создал тот фундамент, на котором нам нужно работать.

